

Иван Байбаков

1941 — РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Малой кровью на своей территории

Иван Байбаков

1941 – Работа над ошибками

«АСТ»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Байбаков И.

1941 – Работа над ошибками / И. Байбаков — «АСТ»,
2016 — (Малой кровью на своей территории)

ISBN 978-5-17-100183-4

Июнь 1941 года. Начало Великой Отечественной войны, самой тяжелой и кровавой войны в истории человечества. Тяжелейшие бои под Брестом и Гродно, танковые клинья вермахта под Минском, Белостокско-Минское сражение, окружение и разгром трех армий в Белостокско-Минском котле. Первое крупное поражение Красной Армии, которое оказало сильное влияние на весь ход войны. А если бы было по-другому? Если бы советские войска не отступали в беспорядке с Белостокского выступа, теряя и бросая по пути технику без горючего и боеприпасов, а организовали на его территории крепкую оборону под умным командованием? И если бы в этом советским войскам помог знаниями из будущего и своим боевым опытом наш современник...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-100183-4

© Байбаков И., 2016
© АСТ, 2016

Содержание

Предисловие, или Небольшое вступление от автора	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Иван Байбаков

1941 – Работа над ошибками

Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону

© Иван Байбаков, 2016

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Предисловие, или Небольшое вступление от автора

Здравствуйтесь, уважаемые читатели!

Прежде чем вы откроете эту книгу и приступите к чтению, позвольте сделать несколько уточнений.

Предлагаемый вам роман о событиях Великой Отечественной войны не является ни документальным историческим исследованием, ни учебником по тактике ведения боевых действий, ни справочником по истории развития техники. Это просто попытка интересно для читателя рассмотреть и описать события того времени в условиях внедрения некоторых элементов «послезнания» и «прогрессорства». Надеюсь, роман будет интересен читателям, которые любят анализировать и оценивать исторические события с разных точек зрения и в условиях изменения некоторых базовых обстоятельств.

Тем же из вас, уважаемые читатели, кто серьезно интересуется реальной историей во всем многообразии ее проявлений: историей реальной и альтернативной, историей развития цивилизации и общества, историей войн, военной тактики и стратегии, историей развития техники, вооружения, организации армий и т. д., и т. п., могу порекомендовать обратиться к следующим открытым ресурсам информационной сети Интернет, содержащим много интересной и полезной информации (сортировка по алфавиту):

Сайт «battlefront.ru»: <http://battlefront.ru/index.php>

Сайт «Para Bellum»: <http://www.vn-parabellum.com/index.html>

Сайт «Армейский вестник»: <http://army-news.ru/>

Сайт «Боевые действия Красной Армии в ВОВ»: <http://bdsa.ru>

Сайт «Большая военная энциклопедия»: <http://zonwar.ru/index.html>

Сайт «Википедия»: https://ru.wikipedia.org/wiki/Заглавная_страница

Сайт «Виртуальная энциклопедия бронетехники»: <http://pro-tank.ru/home>

Сайт «Военная археология, История»: <http://копанина.рф>

Сайт «Военная литература»: <http://militera.lib.ru>

Сайт «Военное обозрение»: <https://topwar.ru>

Сайт «Военно-исторический портал, посвященный Второй мировой войне»: <http://ww2history.ru/index.php>

Сайт «Исторические материалы»: <http://istmat.info>

Сайт «Обозник»: <http://www.oboznik.ru>

Сайт «Рабоче-Крестьянская Красная Армия»: <http://www.rkka.ru/index.htm>

Сайт «Солдат. ru»: <http://www.soldat.ru/>

Сайт «Танковый фронт»: <http://www.tankfront.ru/index.html>

Сайт «Техника Победы»: <http://www.tehnikapobedy.ru/index.htm>

Сайт «Цивилизация и война»: <http://ciwar.ru>

Сайт Юрия Веремеева «Анатомия армии»: <http://army.armor.kiev.ua>

И еще одно уточнение.

Произведение написано в жанре альтернативной истории и является полностью фантастическим. Все персонажи вымышленные, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

А теперь – приятного чтения!

Глава 1

Сергей Иванович очнулся от боли в голове. Кровь стучала в висках, дышалось с трудом. И еще почему-то было очень жарко. Он тяжело заворочался, готовясь к привычной боли во всем теле при вставании, но тело послушалось неожиданно легко. Открыв глаза, Сергей Иванович с изумлением огляделся вокруг.

Еще вчера, холодным ноябрьским вечером 2014 года, он заснул у себя – в однокомнатной клетушке на окраине Москвы, после очередной жаркой дискуссии на одном из форумов о Великой Отечественной войне. Снова обсуждали начало войны, Белостокский «котел», долго и упорно спорили о том, как бы оно тогда было, если бы было по-другому. Сам Сергей, как обычно, настаивал на том, что командование Западного Особого военного округа, в попытке организовать изначально малореальный в текущих условиях контрудар под Гродно, своими непродуманными приказами только спровоцировало суматошные и бестолковые метания войск 3-й и 10-й армий по Белостокскому выступу. В результате чего просто раздергало части и соединения войск первого приграничного эшелона, и это не позволило им построить эффективную оборону. Ну и много чего еще вчера обсуждали. И традиционные, уже почти канонические «причины неудач на первом этапе войны», и тактику со стратегией. А еще обсуждали технику, вооружение, снаряжение и прочие материальные аспекты обеспечения боевых действий, при этом сравнивая наши и немецкие образцы. В результате дискуссии, тоже уже традиционно, ни к какому общему мнению опять не пришли, и Сергей, засыпая, все прокручивал в голове аргументы и контраргументы этой жаркой виртуальной баталии.

А сейчас вокруг него было жаркое лето, пыльный проселок возле небольшой речушки и трупы в форме красноармейцев. И его тело, тоже в красноармейской форме. Стоп, – его тело в красноармейской форме?! Но это вовсе не его тело! Его – старое, израненное тело 68-летнего военного пенсионера – осталось там, в далеком теперь 2014 году и в другой реальности, а вот сознание каким-то необъяснимым образом оказалось в молодом и относительно здоровом теле, облаченном в форму командира Красной Армии с двумя лейтенантскими «кубарями» в петлицах.

– Ну, вот вам и здравствуйте. Это что же, выходит, я на эту войну из своего времени попал? А значит, могу не в разговорах и спорах, а в реальности – вот здесь и сейчас – попытаться исправить то, что хотел бы исправить в той, прошлой жизни?

И вновь проваливаясь в забытие от внезапно накотившей слабости, Сергей Иванович только и успел еще подумать: «Ну вот – сбылась мечта идиота».

Сергею Ивановичу Иванову, 1946 года рождения, стать военным было, что называется, «на роду написано». Его родители оба были военнослужащими, отец – командир танковой роты, мама – военный врач – встретились они как раз во время Великой отечественной войны, потом, после войны, вместе служили и защищали Родину там, где это было нужно стране. Вместе и погибли при подавлении контрреволюционного переворота в Венгрии в 1956 году: мама при нападении озверевших «сторонников демократизации» на военный госпиталь в период, когда войскам была дана команда «не поддаваться на провокации, огня не открывать», а отец чуть позже сгорел в танке при штурме Будапешта.

Десятилетнего Сергея переправили в Союз и определили в Суворовское военное училище, а после него он поступил в Московское высшее военное командное училище, где как раз начали готовить офицеров мотострелковых войск. Окончив его, Сергей Иванов потом долго служил Родине там, куда его направляли. Изрядно помотался по миру, воевал и учил воевать разные «братские народы». Египет, Йемен, Сирия, Мозамбик, Ангола, Эфиопия. А потом был Афганистан – и тоже не в штабах и на теплых местах, куда попасть можно было единожды на год-два-три и по большому благу, а в самых горячих и опасных местах, служить и воевать

в которых, желающих было не так уж и много. За время службы Родине получил много ранений, в том числе несколько тяжелых. И прилично боевых наград, в том числе иностранных, от «братских народов», но при этом выше должности командира отдельного разведывательного батальона мотострелковых войск и звания подполковник так и не поднялся, поскольку под начальство не прогибался и говорил, что думал, а не то, что надо было говорить. Спутницу жизни при такой насыщенной, но крайне непредсказуемой и малокомфортной службе не встретил, детей не завел. Дослужил до распада Союза, потом армию начали «реформировать» и Сергея уволили на пенсию. Дали маленькую квартирку в пригороде Москвы, мизерную пенсию, и Родина посчитала, что сделала для Сергея Ивановича Иванова все, что должна. Правда, к тому времени и Родины, которой служил и за которую воевал Сергей Иванович, уже не было. Дальше жил по инерции.

Пытался преподавать военное дело в школах и на военных кафедрах институтов, но ясно видел, что это не нужно ни тем, кого учил, ни государству, для которого учил. В последние годы, правда, ситуация и с армией, и с отношением к армии в обществе начала понемногу выправляться. Вспомнили о фронтовиках и ветеранах, прибавили денежное довольствие и пенсии, потихоньку стали вспоминать и Войну, и Победу, и связь всего этого с современными реалиями. Отставной подполковник Сергей Иванович Иванов, вместе с несколькими такими же, как и он сам, ветеранами старой школы, организовали военно-патриотический клуб, возились с подростками, пытаясь в условиях западной пропаганды все же воспитать их мужчинами и патриотами России, а не «общечеловеками» с правами, но без обязанностей. И для души, в минуты отдыха – история Второй мировой, форумы в Интернете по ее событиям и вариантам этих событий, общение с единомышленниками и споры с оппонентами. А еще, помимо штудирования исторической и документальной литературы, увлечение литературой в жанре альтернативной истории. Читая и сопоставляя как факты, так и различные альтернативные версии событий Великой Отечественной, осмысливая их в контексте своего военного образования и личного боевого опыта, Сергей Иванович в последнее время все чаще задумывался. Задумывался о том, что и как он сам сделал бы тогда – в том кровавом и беспощадном разгроме июня сорок первого, чтобы изменить ход войны, уменьшить трагедию приграничных окружений и поражений Красной Армии. И все чаще ему хотелось попасть туда, в то тяжелое, но светлое и честное время, когда люди его страны в едином порыве строили для себя и своих потомков светлое будущее, мечтали о новой жизни и своими руками создавали эту жизнь. Когда советский народ – весь советский народ, единый народ единой тогда страны, – не жалея себя и своей жизни защищал свою общую Родину от врага. Теперь, похоже, его мечты каким-то образом обрели материальность, и у Сергея Ивановича появился так настойчиво желаемый шанс.

Вновь очнувшись, Сергей (в связи с резким омоложением организма как-то очень естественно отбросивший отчество) почувствовал себя гораздо лучше и осмотрелся вокруг внимательнее. Судя по положению солнца и еще не до конца высохшей росе на придорожной траве, день только начинался. Сам Сергей находился в небольшом и не очень густом кустарнике, на границе перелеска и большого луга, по которому проселочная дорога изгибалась к протекающей рядом речке с небольшим деревянным мостом. От места, где Сергей пришел в себя, до дороги было метров пятьдесят, и она была густо усеяна трупами. По совокупности признаков было очевидно, что маршевую колонну советской пехоты, так не вовремя вышедшую на луг, заметила и накрыла с воздуха вражеская авиация. Солдаты ринулись от бомбежки в лес, но добежать, как явно было видно по количеству и расположению тел, успели немногие. Сам Сергей, судя по боли в голове в момент прихода в сознание, скорее всего, получил контузию от близкого разрыва авиабомбы и потерял сознание. А потом выжившие остатки взвода ушли, сочтя своего командира мертвым.

«А может, он уже и был мертвым или умирал, пока я не «подселился», – подумал Сергей. – Вот и последствия «его» контузии я с каждой минутой ощущаю все меньше. – Кстати, а кто я теперь?»

Из нагрудного кармана гимнастерки Сергей достал документы на имя Иванова Сергея Николаевича, 1913 года рождения, командира стрелкового взвода стрелковой роты 239-го стрелкового полка 27-й стрелковой Омской дважды Краснознамённой дивизии имени Итальянского пролетариата. Сергей помнил, что в его варианте истории 22 июня 1941 года части дивизии находились на границе в районе Августова, Граево, Сухово. Там дивизия приняла первый бой с 256-й и 162-й пехотными дивизиями вермахта. Дивизия вступила в бой разрозненно, её части сражались изолированно друг от друга, без единого управления, взаимодействия и связи. Основная часть дивизии под угрозой окружения была вынуждена без боя отступить в направлении реки Бобр, где заняла рубеж обороны, который был прорван вечером того же дня. На 23 июня дивизия прикрывала район населенного пункта Сокулка, часть её подразделений сделала неудачную попытку отбить Домброво. 24 июня дивизия, в которой уже насчитывалось около 60 процентов состава, получила приказ на контрнаступление. На 25 июня дивизия заняла рубеж на реке Свислочь, получив приказ «стоять и сражаться насмерть», прикрывая отходившие части армии, где и была уничтожена. Вот, скорее всего, во время беспорядочного отступления подразделений дивизии от границы его взвод в составе отступающей ротной колонны и попал под бомбежку.

– Повезло, что фамилия и имя совпали, – порадовался Сергей. – Проще будет адаптироваться к окружающей обстановке. Теперь выяснить бы, где это я конкретно очутился? И какое сегодня число?

Увы, с этим были проблемы. Планшета с картой у него не было, спросить не у кого.

– Ладно, пока это оставим, сейчас надо вооружаться и двигать отсюда.

Лежавший у него в кобуре ТТ (Тульский, Токарева, образца 1933 года.) Сергей за серьезное оружие не считал, но и брат «мосинку» (7,62-миллиметровую винтовку образца 1891/1930 годов, конструктора Мосина), которыми в большинстве своем были вооружены убитые бойцы, он не хотел. Да, винтовка надежная и безотказная в любых условиях, большая живучесть ствола и затвора, хорошая баллистика и высокая мощность патрона. Знаменитая винтовка, прошедшая три войны и модернизацию только через сорок лет, что говорит о совершенстве изначального варианта. Но при этом – тяжелая, с длинным и крайне устаревшим игольчатым штыком, крепящимся на стволе, а не на ложе. И совершенно не подходящая для неожиданных, скоротечных схваток, возможно, предстоящих Сергею при его блужданиях в поисках советских войск.

– Эх, мне бы пулеметик, – грустно пробормотал Сергей, быстро осматривая оружие погибших бойцов, но сам при этом понимая, что ручные пулеметы, и так не очень щедро положенные по штату на роту, выжившие бойцы вряд ли бы оставили.

Пулемета в наличии не было, взять его было негде, но на обочине дороги, чуть в стороне от убитых, были сложены кучкой несколько СВТ-40. Видимо, выжившие бойцы оставили свои «светки», взяв взамен у убитых мосинские винтовки. И Сергей ясно понимал – почему. Дело в том, что 7,62-миллиметровая самозарядная винтовка системы Токарева (образцов 1938 и 1940 годов.) в Красной Армии приобрела славу не слишком надежного оружия, сильно чувствительного к загрязнению и капризного в морозы. Большинство солдат, будучи призванными из крестьян и соответственно имея низкий уровень образования и подготовки, не понимало ни устройства винтовки, ни необходимости тщательно следить за ней, ни требований соблюдать правила смазки. Частые проблемы также были связаны с неправильной установкой положения газового регулятора. Поэтому такие бойцы старались при любой возможности поменять СВТ на привычную и простую в обслуживании мосинскую трехлинейку.

Но Сергей знал и другое. Многие подразделения и отдельные солдаты Красной Армии, имевшие достаточную подготовку, в частности морская пехота, весьма успешно применяли СВТ вплоть до конца войны. Кроме того, и в финской, и в немецкой армии весьма ценили трофейные СВТ – немцы даже приняли эту винтовку в качестве оружия ограниченного стандарта и вооружали захваченными в виде трофеев СВТ целые подразделения своих войск. К тому же в войсках противника СВТ использовали и обслуживали гораздо более грамотно, что позволяло существенно уменьшить её врождённые недостатки. А основное достоинство этой самозарядной винтовки – существенно большая, чем у обычных винтовок, огневая мощь. Боевая скорострельность СВТ составляла 20–25 выстрелов в минуту. Тогда как у немецкой винтовки Mauser 98k (основная винтовка вермахта во Второй мировой войне) скорострельность была на уровне 12–15 выстрелов в минуту при практически той же дальности стрельбы. А у винтовки Мосина и того меньше – всего 10 выстрелов в минуту.

Поэтому Сергей без раздумий вооружился наиболее ухоженной, по внешнему виду и результатам неполной разборки, винтовкой СВТ-40. Затем, быстро перетаскав в перелесок, метров на сто от дороги, все оставшиеся «светки» в количестве 11 штук, все найденные патроны и несколько шинелей, а также пехотную лопатку, он сделал захоронку, куда сложил остальные «светки» и излишки патронов. Себе оставил пехотную лопатку, СВТ без штыка и стандартный тройной боекомплект патронов в вещмешке – брать больше посчитал ненужным, чтобы не ограничивать подвижность. Собравшись, Сергей двинулся по лесу вдоль дороги в направлении на восток, рассудив, что так он быстрее встретит кого-нибудь из своих, также отступающих от границы. Да, своих, поскольку Сергей уже перестал рефлексировать по факту своего «попаданчества» и готовился приложить все силы, чтобы хоть немного изменить расклады первых дней войны, разгромных для Красной Армии. И все, кто воевал с немцами, для него однозначно стали своими.

Но первыми он увидел, – а вернее, услышал, – именно чужих. Пройдя по кромке леса примерно полтора километра и выйдя к месту, где грунтовая дорога была стиснута с одной стороны подступившим к ней подлеском, а с другой – рекой, Сергей услышал шум и немецкую речь. Пригнувшись и совершив короткую перебежку в глубину леса, он скинул поклажу и с СВТ в руках по широкой дуге пополз к дороге. Там, осторожно выглянув из придорожных кустов на уровне земли, Сергей увидел идиллическую картину: «непобедимые солдаты вермахта на отдыхе». Примерно в двадцати метрах по другую сторону от дороги, на берегу реки, в тени нескольких раскидистых деревьев, стоял тяжелый мотоцикл с коляской, в передней части которой на специальном поворотном вертлюге был смонтирован пулемет, сейчас расслабленно упирающийся свой задранный ствол в небо, а из реки доносился веселый гогот, перемежаемый немецкой речью. Увидев эту картину, Сергей предвкушающе оскалился.

– Так, что это за гуси у нас тут разгоготались? Надо же, немчики, – какая неожиданная и волнительная встреча! Исходя из того, что мотоцикл один, их там никак не более трех. Скорее всего, немецкий патруль или разведка передовых частей, а в ходе выполнения боевой задачи попутно освежиться решили, сволочи. Так я вам в этом деле всемерно помогу, как говорится, заодно и помоемся... в последний раз... Интересно, они хоть дозор выставили, или сразу все в воду полезли, – пробормотал Сергей, ползком преодолев дорогу и пробираясь к мотоциклу в высокой траве.

Подобравшись ближе, он с мрачным удовлетворением убедился, что легкая война в Европе и успехи первых дней боев в Белоруссии сыграли с хваленой немецкой педантичностью злую шутку – дозор немцы не выставили. Конечно, и все втроем они в речку не полезли – одного оставили на берегу, но этот участник их веселой компании в настоящий момент был больше кулинару, чем дозорным.

Довольно пожилой худощавый немец в очках сидел у костра в паре метров от мотоцикла, лицом к реке, а спиной к дороге, и увлеченно жарил курицу, насаженную на ветку, время от

времени весело переговариваясь о чем-то с двумя радостно плескавшимися в реке здоровенными молодыми парнями.

– Ты посмотри – прямо белокурые бестии с пропагандистских плакатов Геббельса, – злым шепотом пробормотал Сергей. – Пикник себе тут устроили, завоеватели... Курочки им, видите ли, захотелось. Так, а оружие где?

Свои автоматы купальщики аккуратно сложили метрах в трех от кромки воды, а винтовка кулинару лежала у костра рядом с ним. Там же, рядом с автоматами, любители водных процедур по-немецки бережно сложили свою форму и снаряжение.

«Кулинару первого, пехотной лопаткой, а потом купальщиков, из автомата», – решил Сергей. Надо только успеть добежать до этих автоматов.

Почему так? Ведь у него из оружия и винтовка, и пистолет были. По одной простой, но важной причине – Сергей не знал, есть ли поблизости еще немцы, и если есть, то где они и сколько их. Поэтому не хотел привлекать их возможное внимание, устраивая стрельбу из своего оружия – опытное ухо легко различит, что выстрелы не из немецкого оружия. А две-три короткие очереди из немецкого пистолета-пулемета не должны насторожить, возможно, находящихся поблизости, немцев – скорее всего те подумают, что их товарищи развлекаются, гоняя местное население в процессе отъема домашней живности. Конечно, учитывая полное отсутствие информации о нахождении поблизости противника, возможно, стоило вообще отказаться от попытки уничтожения «отдыхающих», но Сергею очень уж хотелось прибрать к рукам мотоцикл и остальные трофеи с расслабившегося немецкого патруля.

Пехотная лопатка при умелом обращении – страшное оружие в рукопашной. Сергей обращаться с ней умел. Немец у костра, с почти перерубленной шеей, умер мгновенно. Немцы-купальщики сначала застыли на пару секунд, увидев, как из-за мотоцикла выскочил грязный непонятно кто и чем-то рубанул их товарища, после чего тот беззвучно завалился на бок, а потом дружно ринулись на берег, к своему оружию. Но сегодня был явно не их день – Сергей успел первым. Три быстрых шага, и он, схватив автомат, передернул затвор, досылая патрон, а затем перечеркнул двумя кроткими очередями обоих противников. Две голые тушки горезавоевателей из великого рейха медленно поплыли по течению, а он обессиленно опустился на траву, привалившись спиной к коляске мотоцикла и жадно хватая ртом прохладный от близости реки воздух.

– Десять секунд на отдышаться, – сам себе назначил время короткого отдыха. – А потом надо собирать трофеи и в темпе сматываться отсюда, вдруг поблизости все-таки есть еще немцы и кто-то из особо любопытных камрадов решит посмотреть, во что это тут стреляли его героические товарищи.

Отдыхая, Сергей попутно анализировал ход и результаты скоротечного боя. Да, он отдавал себе отчет, что затея с мотоциклистами была во многом авантюрой и то, что он жив и здоров, а немцы мертвы, можно объяснить не только бóльшим превосходством Сергея в подготовке и военном опыте из той, «прошлой жизни», но и очень большой толикой везения. Авантюра, конечно, это да, но мотоцикл с пулеметом и трофеи от немцев в нынешней ситуации уж больно лакомый кусок был, грех не рискнуть.

Чуть отдышавшись, Сергей, как попало, запихал в коляску все, что лежало на берегу. Хотел и кулинару раздеть, но потом передумал, – время поджимало, да и форма у немца была вся залита кровью из широкой рубленной раны на шее. Поэтому он только наскоро снял с него снаряжение, да выгреб все из карманов, свалил это в коляску и сел за руль. Немецкая техника ожидаемо не подвела, мотоцикл легко завелся, и, мягко переваливаясь на кочках, покатил сначала по траве к месту, где Сергей оставлял свою поклажу, а потом дальше по грунтовке, снова в направлении на восток. Отъехав приблизительно на три километра, Сергей увидел еле заметную тропинку, отходящую от дороги и ведущую в глубину леса. Решив, что небольшой отдых, совмещенный с разбором трофеев, сейчас будет очень кстати, свернул по ней в лес и, проехав

примерно еще километр, выехал на небольшую поляну с бурно разросшимися кустами малиника, где и заглушил двигатель мотоцикла.

Осмотревшись по сторонам и в кустах, Сергей убедился, что в окрестностях тишина и покой, ни детей, скорее всего и протоптавших сюда тропку за дикой малиной, ни их конкурента медведя поблизости нет. Потом закатил мотоцикл под деревья и с радостным предвкушением полез в трофеи, сопроводив свои действия любимой хомяческой присказкой, которую подцепил в результате прочтения великолепного романа Ильфа и Петрова «12 стульев»: «Ну, что там сегодня бог послал Альхену?»

Мотоцикл «Цюндапп» (Zundapp KS 750), почти новый и в очень хорошем техническом состоянии. Мотоцикл военный и для войны – был специально разработан для вермахта и по его техническим требованиям, именно как военная техника. Конструктивно имеет привод на колесо коляски и возможность движения задним ходом, что крайне важно при движении по пересеченной местности и в условиях бездорожья. К слову сказать, в Красной Армии ничего подобного таким мотоциклам сейчас нет и даже после войны появится еще очень не скоро. По узлам и деталям почти на 70 процентов унифицирован с другим тяжелым мотоциклом вермахта – BMW R 75 (который, как Сергей неоднократно читал об этом, был признан лучшим тяжелым мотоциклом Второй мировой войны). При боевой массе с коляской 400 килограммов, имеет допустимую максимальную нагрузку 600 килограммов. Слева на мотоцикле и справа на коляске закреплены сумки с боеприпасами и всякими полезными мелочами, а также канистра с запасом бензина. Багажник коляски тоже не пустой, а в передней ее части – установка для пулемета. Максимальная скорость мотоцикла, как помнил Сергей, 95 километров в час, запас хода на полном баке 300 километров в час. Сам мотоцикл радовал глаз окраской темно-серого цвета и не имел ни одной демаскирующей блестящей детали.

«Зверь-машина, – с удовольствием подумал Сергей, осмотрев мотоцикл. – Это и сам по себе отличный трофей, уже оправдывающий авантюрную атаку на любителей пикников и купаний, так еще и вон сколько всего дополнительно нападало с этих купальщиков, так неосмотрительно утративших бдительность. Теперь бы мне на эту боевую машину кого в помощники найти – я-то и за руль сесть смогу, и за пулемет, но один надвое не разорвусь же... Ладно, про экипаж машины боевой подумаю потом, сейчас же – что там у нас дальше имеется? А дальше у нас имеется пулемет...»

Пулемет MG-34, он же МГ-34 в русском обозначении. Один из лучших пулеметов Второй мировой войны (лучшим была признана его более поздняя модификация, MG-42). Первый единый пулемет, когда-либо принятый на вооружение. В нем воплотилась выработанная в немецкой армии на опыте Первой мировой войны концепция универсального пулемета, способного выполнять сразу несколько функций: в качестве легкого, типа ручного, пулемета, используемого с сошек; в качестве станкового, используемого с пехотного или зенитного станка, а также в качестве танкового пулемета, используемого в спаренных и отдельных установках танков и прочих боевых машин. Такая унификация заметно упрощала обучение пулеметчиков и облегчала снабжение боеприпасами. А еще допускала широкие тактические возможности использования пулемета на поле боя. Высокие тактико-технические характеристики MG-34, оставлявшие далеко позади конкурентов, также были обусловлены высоким темпом стрельбы (800–900 выстрелов в минуту), комбинированным ленточным и барабанным питанием, и возможностью не только быстрой, но и удобной замены ствола (не более 7 секунд). Для сравнения, по скорострельности МГ-34 превосходил своего основного конкурента в советских войсках, – ручной пулемет Дегтярева (500–600 выстрелов в минуту) – почти в два раза и был способен в буквальном смысле создавать «шквал огня», оказывая, помимо собственно боевой эффективности, еще и мощное психологическое воздействие на противника. Помимо всего вышеперечисленного пулемет MG-34 имел штатную возможность установки оптического прицела. К большому сожалению Сергея, этот конкретный пулемет оптического прицела в ком-

плекте не имел, зато имел все остальное, что полагалось иметь в наличии: шесть 50-патронных барабанов, четыре коробки с 250-патронными лентами, даже специальную ручную машинку для снаряжения пулеметных лент.

– Ну, вот и пулеметик у меня образовался, да еще и какой! – удовлетворенно похлопал Сергей по ствольной коробке, осмотрев MG-34 и убедившись в его полной исправности – хоть сейчас в бой. – Наверное, все же правы те, кто утверждает, что мысли материальны и при определенных условиях имеют свойство сбываться. Очень хотел попасть в это время – пожалуйста, пулемет – нате вам. Теперь бы еще сбылись мои мечты и надежды хоть что-то изменить к лучшему в этой войне...

Очень довольный трофеями в виде мотоцикла и пулемета, остальные приобретения Сергей рассматривал уже с меньшим интересом и более поверхностно.

Магазинная винтовка Mauser 98k. Неплохая винтовка, по своим боевым характеристикам практически одинаковая с винтовкой Мосина (ну, может, самую малость получше). Как и «Мосинка», очень хорошо себя проявила в Первую мировую войну, в ее позиционных сражениях с ведением неторопливой прицельной стрельбы из окопов в качестве основного варианта пехотного огневого боя в обороне и штыковых атаках в остальных случаях. Как и «Мосинка», для условий современной войны тоже устарела (поскольку не самозарядка), для целей и задач Сергея никакой ценности не представляла, хапнул ее, что называется, из жадности, но пока есть на чем везти – пусть будет, авось на что-нибудь сгодится.

Два автомата (пистолеты-пулеметы MP 38/40). Сергей знал, что правильно их надо называть пистолетами-пулеметами, поскольку для стрельбы они используют пистолетный патрон, но для собственного удобства решил именовать их по принципу действия, то есть по способности вести огонь очередями в автоматическом режиме. Так вот, автомат МП-38/40. Его достоинства – компактность, удобство в использовании, хорошая управляемость оружия, сравнительно высокое останавливающее действие 9-миллиметровой пули на дальностях до 100–200 метров. Имея скорострельность 500 выстрелов в минуту, эти автоматы были очень эффективны для боя на ближней дистанции. А еще к ним прилагались удобные подсумки для магазинов, сгруппированные по три, которыми можно было хоть обвешаться (крепления подсумков позволяли их соединять).

Все оружие Сергей разложил возле мотоцикла, рядом разложил немецкую форму и осмотрел снаряжение.

Три камуфлированные плащ-палатки образца 1931 года (треугольные), с вырезом посередине, закрытым внахлест двумя клапанами. Удобные прежде всего как камуфляж, который всегда с собой, а еще как универсальное маскировочное укрытие над окопом, подстилка для сна и отдыха, подручное плавсредство, носилки и т. п. Из четырех плащ-палаток, к слову сказать, в полевых условиях легко и быстро собиралась стандартная пирамидальная палатка на четырех человек;

Пехотные лопатки – общей длиной полметра, прямоугольное стальное лезвие, рукоятка окрашена в черный цвет, – в общем, добротный немецкий довоенный стандарт.

Добротная немецкая вальтеровская ракетница в кожаной кобуре и с запасом разноцветных ракет – 12 штук в отдельной сумке.

Противогазы Сергей сразу выкинул за ненадобностью, ибо хорошо помнил, что в этой войне ни немецкие, ни наши войска боевые отравляющие вещества не применяли. А вот противогазные футляры оставил в качестве емкостей для хранения, сразу запихав туда противохимические накидки, представлявшие собой тканевые хлопко-вискозные полотнища размерами 1,5 на 2 метра со специальной нейтрализующей пропиткой, – наверняка пригодятся подстелить куда-нибудь или еще для каких целей.

Потом, уже совсем поверхностно, Сергей осмотрел непромокаемые прорезиненные плащи мотоциклистов, каски с защитными очками-масками и перчатки с раструбами-крагами и снова полез в коляску – потрошить ранцы.

Все три ранца порадовали запасными ботинками с шерстяными носками, сухарями, НЗ в виде мясных консервов, принадлежностями для чистки оружия, наборами для бритья и умывальными принадлежностями, а также сменным нижним бельем и наборами для шитья.

Помимо типового снаряжения пехотинцев с почивших мотоциклистов Сергею достались стандартный 6-кратный бинокль вермахта, фонарик с тремя светофильтрами, отличные швейцарские наручные часы (и еще двое часов похуже), три комплекта индивидуальных перевязочных пакетов (малый – длиной пять метров и большой – длиной семь). А также планшет с картой и полевым компасом в комплекте – настоящее богатство по нынешним временам. Черная кожаная сумка прямоугольной формы, разделенная внутри на два отделения. В одном из них, к своему вящему удовольствию и радости, Сергей обнаружил складной защитный целлулоидный чехол, а в нем – несколько немецких тактических средне- (1:100000, 1 см = 1 км) и крупномасштабных (1:50000, 1 см = 500 м) карт территории Белоруссии, участками от границы до Белостока.

Последняя находка порадовала особенно – теперь он мог определиться на местности.

Сориентировавшись по карте, Сергей понял, что он, как говорится «туда попал – куда надо попал». А попал он на территорию так называемого Белостокского выступа, почти в центр неправильного четырехугольника, ограниченного автомобильными и железными дорогами по линиям (от границы) Граево – Белосток – Гродно – Августов – Граево.

«Весело, – подумал Сергей. – Это значит, сейчас самое начало, наверное, первая неделя войны. Командование армий в панике дергает войска, связи и достоверных данных об оперативной обстановке нет, транспорта и снабжения нет. В моей реальности буквально через несколько дней, в конце июня, немцы окружили 3, 4 и 10-ю армии в Белостокско-Минском «котле» – первом «котле» этой войны. В результате сражения основные силы советского Западного фронта, раздерганные и вместе с потерей связи утратившие управляемость, оказались в окружении и были разгромлены, 28 июня немецкие войска взяли Минск.

В ходе наступления противник добился серьезных оперативных успехов: нанес тяжёлое поражение советскому Западному фронту, захватил значительную часть Белоруссии и продвинулся на глубину свыше 300 километров. Из состава 3-й армии были полностью разгромлены 4-й стрелковый и 11-й механизированные корпуса, в 10-й армии, самой мощной из трех, были уничтожены ВСЕ соединения и части армии! 8 июля 1941 года бои в Белостокско-Минском «котле» были завершены. По итогам боев немцами было взято в плен около 300 тысяч бойцов и командиров, в том числе несколько старших генералов, захвачено более 3000 танков, около 2000 орудий, порядка 250 неповрежденных самолетов и другие многочисленные военные трофеи. Безвозвратные потери советских войск составили 341 тысячу человек, плюс почти 77 тысяч раненых. Общие потери более 417 тысяч человек.

Сергей вспоминал подробности и обстоятельства возникновения Белостокско-Минского «котла» в его реальности, одновременно переодеваясь в немецкую форму. И почти уже закончил, но тут в глубине леса, с противоположного конца тропинки, послышался треск сучьев. Вскинувшись, он подхватил автомат и быстро залег за дерево на краю поляны – так, чтобы в случае стрельбы в направлении источника звука не повредить мотоцикл. Вскоре на поляну осторожно вышел пограничник в запыленной, щедро пропитанной потом и местами порванной гимнастерке с кубиком младшего лейтенанта в петлицах, с ручным пулеметом ДП-27 (Дегтярев пехотный) в руках. Увидев немецкий мотоцикл и разложенные возле него трофеи, пограничник замер, внимательно оглядывая поляну.

Сергей, из-за древесного ствола незаметно наблюдавший появление на поляне нового персонажа, вначале напрягся, – младший лейтенант НКВД приравнялся к старшему лейте-

нанту в армии, – неизбежно попытается командование на себя перетянуть, но, к своему облегчению, почти сразу вспомнил, что на погранвойска это не распространялось и старший по званию именно он.

Потом, пока пограничник обследовал глазами поляну, в голове у Сергея успели промелькнуть сразу две мысли.

«Ну вот, похоже, и экипаж мотоцикла появился – даже не ожидал, что так быстро».

И вторая.

«А вот с переодеванием в немецкую форму я, пожалуй, поторопился. Но сейчас уже ничего не изменишь, пора объявляться».

– Ты пулеметик-то, положи, – тихо, с интонациями товарища Сухова из фильма «Белое солнце пустыни», сказал Сергей. – Здесь чужих нет, все свои.

– Кто вы?! Назовите себя! – настороженно произнес младший лейтенант, быстро повернувшись на голос и поудобнее перехватив пулемет для стрельбы от пояса.

– Немецкий шпион, кто же я еще могу быть, – все так же тихо отозвался Сергей из-за дерева. – Шпиону вот помаленьку, вас дожидаюсь.

И потом добавил, уже чуть громче и злее:

– А то ты не знаешь, младший лейтенант, кто сейчас по лесам бродит, а кто по дорогам ездит.

Пограничник устало присел, но пулемет не опустил, а пристроил его на коленях все так же в готовности к открытию огня и спросил, чуть скосив глаза на мотоцикл.

– А это откуда?

– А это? Это немецкий патруль бдительность потерял, – ответил Сергей, в свою очередь, вставая и подходя к коляске.

– Вас там сколько идет?

В глазах пограничника вновь плеснулась подозрительность, но ничего ответить он не успел – раздвигая кусты малинника, на поляну начали выбредать усталые и грязные пограничники, четверо из которых несли на плечах носилки с раненым, а двое тащили винтовки СВТ – свои и остальных. Это они трескали сучками – сил выбирать, куда ставить ноги, уже не было. За ними был виден еще один пограничник, с ППД в руках и несколькими тощими вещмешками на плече. Увидев на поляне мотоцикл и незнакомца, все остановились и замерли. Немая сцена продолжалась несколько секунд, потом Сергей взял контроль ситуации в свои руки.

– Так, бойцы. Вон там лежат консервы и сухари, берите, открывайте, организуйте перекус. Что с раненым?

– Это наш командир заставы, контузило его сильно, – ответил младший лейтенант, в то время как остальные старались расположить носилки с раненым поудобнее.

– От самой границы в себя не приходит. Второй день уже.

«Значит, сегодня 23 июня 1941 года, – решил Сергей. – Надо же, к самому началу войны попал, как по заказу».

– Кто старший остался?

– Я старший. Младший лейтенант погранвойск НКВД Петров, Августовский погранотряд, – поднялся пулеметчик и с ожиданием уставился на Сергея, по-прежнему не выпуская из рук пулемет и держа его так, чтобы, лишь слегка повернув ствол, можно было прошить Сергея очередью.

«Ты погляди, – с восхищением подумал Сергей. – Усталые, грязные, голодные, второй день волокут на себе раненого командира, но оружия не бросили и не сломались, вон как остальные искоса зыркают, ожидая, чем разговор закончится. И винтовочки свои потихоньку уже разобрали, вроде как осматривают их, а сами по поляне рассредоточиваются. Пора, пожалуй, им свою легенду рассказывать, а то ведь птенцы Лаврентия Павловича могут и пристре-

лить на всякий случай, так сказать, для сокращения количества факторов неопределенности в окружающей обстановке».

– Лейтенант Иванов. Командир стрелкового взвода стрелковой роты 239-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии. Дислоцировались возле границы, в районе населенного пункта Граево.

– А здесь как оказались? И почему один? – Петров все еще смотрел подозрительно.

– Дивизия 22 июня приняла бой с наступающими немецкими войсками, понесла большие потери от артиллерийского огня и бомбежек. Потом, под угрозой окружения, отступала в направлении Сокулки. Часть подразделений, включая мой взвод в составе стрелковой роты, командование направило для атаки Домброво, занятого немецкими войсками. Двигались пешим маршем, по пути ротную колонну разбомбила авиация противника. Я был контужен, когда очнулся – вокруг только трупы. Наверное, выжившие бойцы сочли и меня мертвым, поэтому оставили на месте бомбежки. Двинулся по какой-то проселочной дороге в сторону Домброво, хотел догнать своих бойцов. По пути встретил немецкий мотоциклетный дозор, они возле реки отдохнуть решили. Ну, я и помог им... отдохнуть навечно. А мотоцикл и остальное забрал – им-то уже не нужно. Вон, даже курочка от них досталась – слегка недожаренная, правда – так что милости просим всех к столу.

Младший лейтенант Петров, кажется, поверил Сергею – во всяком случае, пулемет он опустил, а его усталые и голодные пограничники с удовольствием потянулись к еде.

Глава 2

После короткого перекуса, когда остальные пограничники перематывали портянки, оправлялись и делали еще много всяких мелких дел, которые накопились за время изнурительного перехода, младший лейтенант Петров культурно примостился рядом с Сергеем и тихо сказал:

– Командир совсем плох, боюсь, не доживет до врачей. Может, на мотоцикле быстрее будет? Помочь можете, товарищ лейтенант?

Сергей задумался. Командир заставы вторые сутки не приходит в сознание, – значит, контужен сильно и к врачам его действительно надо побыстрее. Но при этом транспортировать нужно бережно, на боку, чтобы в случае тошноты не захлебнулся рвотными массами, а в мотоцикле его на бок не положишь, да и при движении сильно растрясет, – как бы хуже не вышло. Но решать с транспортировкой все равно что-то надо, иначе командир нежилец.

Что решать? До ближайшего госпиталя в Домброво километров тридцать пять, но там, скорее всего, либо уже немцы, либо бои за город, так что этот вариант отпадает. Попробовать отвезти в Сокулку? Там перед войной была дислоцирована 33-я танковая дивизия 11-го механизированного корпуса. А это по штату: два танковых полка; мотострелковый полк; гаубичный артиллерийский полк; разведывательный батальон; отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. Серьезная сила, с такой силой можно мощную оборону построить. Особенно с учетом использования в этой обороне отступающих от границы к Сокулке частей и подразделений. Да и дивизионный медико-санитарный батальон тоже там расположен – вот туда контуженого командира заставы и повезем. А повезем мы его на чем?..

– Значит, так, товарищи пограничники, – озвучил для всех присутствующих плоды своих размышлений Сергей. – Командира вашего на мотоцикле не довезем – помрет. Нужна машина, лучше грузовая, и везти его нужно в лежачем положении, причем на боку – чтобы рвотой не захлебнулся. Вам, кстати, сильно повезло, что его не затошнило, пока вы его на носилках тащили – нельзя контуженых так транспортировать. Повезем в Сокулку, там дивизионный медсанбат должен быть, а вот немцев и боев за населенный пункт еще не должно быть, так что есть шанс спокойно доехать. Теперь по транспорту. Судя по карте, километрах в десяти перекресток шоссейных дорог. Вот там будем добывать для вашего командира транспорт. Вопросы? Нет вопросов? – Тогда: бойцы, кто из вас умеет водить автомобиль?

Как оказалось из восьми пограничников водить автомобиль умели трое, а мотоцикл все – прошли обучение во время службы. Сергей в очередной раз мысленно сплюнул. Ведь смогли в НКВД организовать подготовку личного состава срочной службы по различным специальностям, в том числе нужным потом на «гражданке», почему же в РККА такой жуткий бардак с обучением устроили? Да еще перед самой войной...

Сергей злился, хотя и сам прекрасно знал – почему. В той жизни читал в Интернете, что в СССР, согласно переписи населения 1937 года, проживало почти 30 миллионов неграмотных граждан возрастом старше 15 лет, а это почти 20 % всего населения! В 1939 году только около 8 % населения СССР имели образование 7 классов и больше, а высшее образование имели меньше одного процента! У мужчин возраста 16–59 лет эти показатели были чуть выше – соответственно 15 % и 1,7 % – но все равно были недопустимо низкими. До Великой Отечественной войны две трети населения СССР проживало в сельской местности, уровень образования и навыков обращения с техникой призывников из сел и деревень в подавляющем количестве случаев был удручающе низок. В большинстве своем до прихода в армию они никогда не пользовались даже велосипедом, а некоторые о нем никогда не слышали! Так что, говорить об опыте вождения мотоцикла или автомобиля вообще не приходилось.

«И вот с такими солдатами, необразованными и технически неграмотными, наш народ сумел выстоять, а потом сломать и уничтожить великолепно образованную, технически подготовленную, отлично вооруженную и снаряженную немецкую армию, – вдруг успокоился Сергей. – Правда, и цена победы в человеческих жизнях оказалась непомерно высока. Но ничего, я теперь здесь все силы приложу, чтобы соотношение потерь изменилось».

– Младший лейтенант Петров! Ты, я вижу, пулеметчик. Надень сверху немецкий плащ и каску с очками, в коляске за пулеметом поедешь. Кто лучше всех водит автомобиль – третьим с нами на мотоцикл, сядешь за мной. Надень немецкую форму и возьми автомат. Остальные, наломайте веток и, когда мы уедем, заметите следы от колес. Потом один в дозор, остальные достаньте из моего вещмешка патроны и набейте сменные магазины к «светкам» и «дегтярю». Потом возьмите пехотные лопатки, вырубите просеку, чтобы грузовик можно было загнать хотя бы метров на сто, и приготовьте ветки для его маскировки.

Сам Сергей повесил на шею второй автомат, уселся за руль мотоцикла и на малом газу вывел его на дорогу. До перекрестка доехали минут за двадцать, никого по дороге не встретив. Собственно, на это Сергей и надеялся. Клинья вермахта сейчас рвутся от Гродно и Бреста частью на Минск, а частью к Белостоку, готовя окружение, на второстепенных направлениях их сейчас еще не так много. Но за пару километров до перекрестка остановился, опять загнал мотоцикл в подлесок и отправился с пограничниками к перекрестку. По пути объяснил свою идею и расстановку сил.

– Если на перекрестке пост, постараемся снять его без особого шума. Потом ждем одиночный автомобиль, лучше грузовик без тента на кузове или легковушку. Когда такой появится, я его останавливаю. Если это грузовик, я беру на себя тех, кто в кабине, вы двое в кузов с разных сторон. Если в кузове никого, быстро ко мне, оттаскиваем трупы. Если в кузове кого найдете – трупы оставите там, потом ты, младший лейтенант, остаешься в кузове, а водитель ко мне. Именно поэтому будем дожидаться грузовик без тента, а то в кузове можно нарваться на полувзвод немецких солдат и смертельно удивиться. Если это легковушка, то я ее останавливаю, вы атакуете с двух сторон чуть сзади, офицера постарайтесь взять живым. Трупы оставляем в машине, сами в нее. Отъедем подальше – обобщем, – закончил инструктаж Сергей, заметив, как переглянулись между собой пограничники, уважительно глянув на него.

Перекресток порадовал тем, что поста на нем не было, а движение было, причем довольно интенсивное. Но достаточно долго ничего подходящего не попадалось – шли армейские колонны с охранением из мотоциклов с пулеметами. Наконец, ближе к вечеру, на дороге появился одиночный грузовик «Опель-Блиц» – стандартная трехтонка, рабочая лошадка и самый массовый грузовик немецкой армии (за период с 1937 по 1944 год только для немецкой армии их было изготовлено более 70 тысяч!). Простая, неприхотливая и надежная машина – как раз то, что сейчас нужно для перевозки контуженного командира заставы.

Увидев, что кузовной тент сложен и из просматриваемого кузова не торчат головы немецких солдат, Сергей вышел на дорогу метрах в десяти от перекрестка и замахал руками. Автомат висел у него на груди, а свой пистолет он заранее сунул сзади за ремень. Опель остановился метра за три до Сергея, и водитель, который в кабине был один, не глуша мотор, высунулся в окно, что-то дружелюбно забормотав по-немецки. Сергей, не переставая улыбаться, быстро сделал пару шагов к кабине и чуть в сторону, опуская руки, затем выхватил из-за спины ТТ и выстрелил водителю в голову, краем глаза заметив, что Петров уже запрыгнул в кузов с его стороны. Почти тут же высунувшись из кузова, пограничник выдохнул:

– Никого, командир.

– Отлично, ты в кузове, водителя давай за руль, я в кабину с ним рядом.

Распорядившись, Сергей одновременно открыл водительскую дверь, подхватил выпадающий труп водителя, стараясь при этом не вымазаться в его крови, и оттащил тело через дорогу на обочину. Потом наскоро обыскал, забрал документы, разную мелочевку типа зажигалки,

карманного золингеновского многолезвийного ножа и наручных часов, а затем, снова перебежав дорогу, запрыгнул в кабину, где за рулем уже осваивался водитель-пограничник, после чего опель тронулся, свернул с шоссейной дороги и запылil по проселку к месту, где они оставили мотоцикл.

Возле мотоцикла остановились, не выключая двигатель, и Сергей заглянул в кузов, уткнувшись в довольную улыбку младшего лейтенанта Петрова. Тот за время пути от перекрестка до мотоцикла успел пошарить в ящиках, что были в кузове, и с ходу зачастил:

– Командир, вон в тех в ящиках два новых пулемета, еще в заводской смазке, станки и патроны к ним, в этих ручные гранаты, там – мины, противопехотные и противотанковые. В этих ящиках продовольствие: консервы, крупы, еще какие-то упаковки – я не понял.

Скорее всего, им попался интендантский грузовик ротного снабжения вермахта, который спешил в свою наступающую роту со склада снабжения, поэтому и был один.

– Это мы удачно зашли, – непонятно для пограничника пробормотал Сергей, забравшись в кузов и увидев, что, помимо всего того изобилия нужных и полезных вещей, которое так порадовало младшего лейтенанта, в кузове возле кабины на специальных подставках уложена двухсотлитровая бочка с бензином, причем, судя по звуку при простукивании, почти полная. Рядом были аккуратно закреплены ручной насос для перекачки бензина из бочки в канистры и лейка для заливки в бак. А это, вкупе с двумя запасными канистрами, (на опеле и на цюндаппе), обеспечит отличный запас хода не только их новому приобретению, но и трофейному мотоциклу (немецкий бензин имел более высокое октановое число, и заливать вместо него наш было бы очень бесполезно для моторов).

– Ладно, лейтенант, – для ускорения процесса отдания команд чуть повысил Петрова в звании Сергей. – Более подробно потом все осмотрим и подсчитаем. А сейчас ты давай снова лезь в мотоцикл, к пулемету. Я сяду за руль, а опель пойдет вслед за нами. – Все, поехали.

До поляны в лесу, где оставили командира заставы и остальных пограничников, доехали, по-прежнему никого не встретив. Дозорный показал, куда загнать грузовик, после чего общими усилиями замели ветками следы и замаскировали машину. Мотоцикл закатили чуть дальше, после чего дозорный остался, а остальные направились на поляну, захватив с собой консервы, так удачно оказавшиеся в кузове опеля.

Там Сергей, которого пограничники уже воспринимали как командира, предложил свой план дальнейших действий.

– Ну что, бойцы, – транспорт у нас теперь есть. Командира вашего предлагаю везти ночью – немцы сейчас ночью не ездят, и на дорогах будет свободно. Остаются, правда, патрули, но я планирую ехать проселками и надеюсь, что их там не будет. Ну, а если будут – тем хуже для них. Поэтому вы все сейчас ужинаете и пару часов отдыхаете, а я пока на грузовике съезжу к месту гибели моего взвода, соберу оружие и боеприпасы, которые там спрятал. Только мне в помощь еще один боец нужен будет.

В помощь вызвался младший лейтенант Петров – как догадывался Сергей, чтобы проверить место и окончательно подтвердить или опровергнуть свои подозрения. Отнесся к этому спокойно – тут уже ничего не поделаешь, это у сотрудников НКВД типа рефлекса – всегда все до последней возможности проверять (кстати, очень полезная привычка, по мнению Сергея). Прибыв на место и убедившись, что Сергей не соврал насчет гибели под бомбами маршевой колонны советской пехоты, Петров, похоже, окончательно разрешил все свои сомнения в отношении лейтенанта Иванова в пользу последнего, после чего активно включился в погрузку. Пользуясь тем, что теперь их двое и у них есть грузовик, Сергей с Петровым погрузили в кузов не только наспех собранные и спрятанные СВТ и патроны, но и вообще все, что можно было собрать и забрать. То есть все винтовки, все патроны к ним, в первоначальной спешке не замеченные Сергеем, шинели, ремни, сапоги и вообще все, что можно было собрать из обмундирования, пехотные лопатки, каски, фляги и прочее снаряжение. Еще собрали все вещмешки,

в том числе полупустые и не содержащие в себе ничего полезного, кроме собственно самих мешков.

Пока собирали и грузили, познакомились поближе – младшего лейтенанта Петрова звали Игорем, и он оказался простым в общении парнем, без того часто встречающегося высокомерия и снобизма, присущего сотрудникам НКВД, причем особенно сотрудникам низкого ранга. Разговорились, Петров все выспрашивал подробности реквизиции немецкого мотоцикла, и Сергей охотно отвечал на вопросы. Потом Игорь удивился, мол, зачем собирать пустые и бесполезные вещмешки. И Сергей объяснил, какой полезной вещью может оказаться вещмешок или любой другой мешок, набитый землей. Из пары таких мешков можно быстро соорудить импровизированный бруствер для защиты от вражеского огня, а из большого количества мешков – быстровозводимое укрытие от пуль и осколков или пулеметное гнездо. Или, к примеру, можно еще технику ими обкладывать – для создания полужакрытых позиций и усиления защиты, а также для орудий и минометов защитные укрытия делать. В общем, много чего придумать можно. Судя по задумчивому лицу Игоря, для него все то, что рассказал Сергей, было открытием.

«Конечно, для молоденького младшего лейтенанта, пусть и имеющего кое-какую подготовку, это новая информация, – с досадой констатировал Сергей. – Да и откуда? Боевой опыт и тактические наработки Первой мировой, особенно в области построения обороны, у среднего и старшего комсостава присутствует в крайне ограниченном объеме, потому что, во-первых, мы отринули буржуазных офицеров и военспецов, а во-вторых, оборона вообще в нашей военной доктрине не в чести. Ну а уж младший-то комсостав – кто его этому обучать стал бы? Ну, что же, значит, буду обучать я».

Вернувшись, Сергей довел до немного отдохнувшего личного состава старую армейскую истину, что самый лучший отдых – это смена занятия, после чего засадил пограничников за чистку и смазку всех имеющихся в наличии СВТ (для «светок» чистка и грамотная смазка вообще никогда лишними не бывают). А сам, вместе с младшим лейтенантом Петровым и двумя бойцами, со слов Петрова, имеющими понятие о стрельбе из пулемета, отправился назад, к опелю, в кузове которого их ждали два новых полнокомплектных МГ-34 в консервационной смазке.

В процессе проведения расконсервации, Сергей попутно обучил всех троих разборке, сборке и смазке МГ-34, замене ствола в боевых условиях, ну, и кое-что из теории пулеметной стрельбы тоже разъяснил, в том числе приемы и особенности стрельбы с зенитного станка по воздушным целям. Благо, сам он за время службы «в той жизни» настрелялся вволю из самых разных пулеметов, от ручных до крупнокалиберных и от танковых до зенитных. Последнее, что сделали под конец обучения, так это собрали и закрепили в кузове опеля, возле кабины, один из двух доставшихся вместе с пулеметами зенитный станок. И установили на него только что смазанный, полностью готовый к бою пулемет – в качестве аргумента для немецкой авиации или встреченных на дороге немецких патрулей.

Наконец, первый для Сергея и очень длинный, насыщенный событиями день его «новой жизни» в другом времени подошел к концу – сгустились сумерки, все было готово к выезду. Контуженого командира, так и не пришедшего в сознание, разместили в кузове опеля с максимальными удобствами: на боку, на мягком ложе из шинелей и травы. Сергей ехал впереди на мотоцикле, с ним в коляске, за пулеметом, Петров. Два новых пулеметчика обеспечивали оборону в кузове, один впереди, за МГ-34 на зенитном станке, второй стерег тыл у заднего борта, сменив для удобства МГ-34 на более легкий ручник ДП-27. Остальные разместились в кузове и кабине опеля.

Поначалу, в целях обеспечения максимальной скрытности, ехали, а скорее ползли, по проселочным дорогам в режиме светомаскировки, почти на ощупь, часто останавливались, слушали тишину и снова ползли. Промучившись так почти полночи, Сергей ясно понял, что в

таком темпе доехать до Сокулки к утру они точно не успеют. Незнакомая дорога, сложности с определением направлений и расстояний, мест поворотов. После чего плюнул на скрытность и решил для себя, что, если кто не спрятался, так он не виноват. Вывел свою маленькую колонну на шоссе, отдал пулеметчикам в кузове команду «если что, делать как я», а сам врубил фару мотоцикла на полную мощь и на приличной скорости нагло понесся к своей цели, готовый в любой момент давить массированным пулеметным огнем любую помеху на пути. То ли его наглая тактика сработала, то ли просто повезло, но доехали без приключений, так никого на ночной дороге и не встретив.

К Сокулке подъехали как раз на рассвете, и Сергей остановил колонну за полтора-два километра, возле небольшого перелеска, что с одной стороны подходил к дороге почти вплотную. С другой стороны от дороги имелся только небольшой кустарник, а за ним простирался то ли широкий травяной луг, то ли чем-то засеянное поле, – Сергей в этом не разбирался, – в общем, открытое пространство. Сам город и его железнодорожная станция, помимо лучей встающего рассветного солнца, были дополнительно освещены огнями пожаров, скорее всего после бомбежки, которые не успели или не смогли потушить.

«Соваться сейчас в город на немецкой технике – не самая лучшая идея, – решил Сергей. – «Мама» не успеешь сказать, как из всех стволов встретят. Но контуженый совсем плох, все-таки растрясло его по дороге. Надо срочно что-то решать...»

– Вот что, бойцы, берите носилки и плавно тащите командира к городу. К оборонительным постам подойдете уже по светлomu, там должны помочь его в госпиталь определить. Младший лейтенант Петров, ты с ними пойдешь, старшим. Плащ и каску немецкие сними, на постах сейчас бойцы нервные. Мне оставьте одного бойца, мы с ним тут пока технику замаскируем и оборону займем.

– И вот еще что, Игорь, – отвел того чуть в сторону Сергей. – Вас там, скорее всего, сразу к особисту поведут – так ты еще перед допросом расскажи ему, что мы тут остались немецкую технику стеречь, пусть кого-нибудь для сопровождения пришлет, чтобы ее на въезде в город не расстреляли. И еще скажи, что технику лучше отсюда забрать побыстрее – неизвестно, когда тут немецкая разведка может появиться.

С Сергеем остался боец, который вел «Опель-Блитц» ночью. Вдвоем они споро вырубили пехотными лопатками кустарник и молодые деревца на обочине дороги со стороны леса, чтобы получился карман, загнали туда грузовик и замаскировали его срубленными деревцами. Мотоцикл в лес загонять не стали, только закатали в кусты и тоже замаскировали ветками. Затем стали готовить оборонительные позиции. Поскольку оставшийся с ним боец пулеметчиком не был, оба пулемета – для себя и для него – Сергей достал из кузова и расположил рядом, в лесу за придорожными кустами, на расстоянии примерно пяти метров друг от друга и метрах в двадцати от грузовика в сторону возможного появления немцев. Пулемет со «своего» мотоцикла трогать не стал – вдруг особисты проканителются, а немцы, наоборот, поспешат, и тогда, в зависимости от обстоятельств, возможно, придется на нем в темпе удирать, бросив тут все остальное. Пока готовили позиции, провел с бойцом краткий ликбез на тему «что такое пулемет вообще и как конкретно из него стрелять надо». Потом Сергей переоделся обратно в свою форму лейтенанта РККА и с биноклем залез на дерево, ждать, гадая при этом, кто появится раньше – наши или немцы.

И хотя Сергей очень надеялся, что первыми появятся все же наши, после чего «Опель-Блитц» можно будет спокойно гнать в город, его надеждам не суждено было сбыться. Только только рассвело полностью, как на Сокулку волнами пошли немецкие бомбардировщики, а затем, около 8 утра, на дороге послышался треск мотоциклетных моторов, и чуть позже Сергей разглядел в бинокль довольно резвый передовой немецкий дозор в составе трех мотоциклов с пулеметчиками в колясках.

«Хорошо, что без броневика, – с облегчением подумал Сергей. – А то бы мы тут и остались, либо действительно пришлось бы все бросать и бежать. Однако теперь со всей остротой возникает вопрос, подкупающий своей новизной – что делать? Мотоцикла три, пулемета в них тоже три, а нас только двое. Можно, конечно, все бросить и отступить, но это как-то не комильфо. Да и немцев живыми отпускать что-то очень не хочется. Ладно, будем считать, что фактор внезапности уравнивает шансы, а еще, что, как говаривал незабвенный Александр Васильевич Суворов, “смелость города берет”».

Быстро скатившись с дерева и поудобнее устраиваясь за пулеметом, Сергей торопливо довел своему напарнику новости, диспозицию и последние инструкции.

– Боец, стрелять начнешь только после меня. Твой мотоцикл головной, потому что дистанция до него будет ближе всего. Стреляешь сначала в пулеметчика и только потом в водителя. Как стрелять, помнишь? Хорошо, что помнишь. Постарайся не повредить мотоцикл. И главное – не спеши, целясь тщательнее, спусковой крючок не рви, тогда все у тебя получится.

Сергей дождался, пока головной мотоцикл приблизится примерно на сто пятьдесят метров, после чего двумя короткими очередями упокоил обоих пулеметчиков в двух последних мотоциклах и перевел прицел на водителей. Первого из них снял чисто – тот аккуратно выпал на дорогу, и его мотоцикл, плавно сбрасывая скорость, покатился дальше самостоятельно. А второй водитель успел пригнуться к рулю и попытаться развернуть мотоцикл на полной скорости. В результате этого смелого маневра мотоцикл предсказуемо пошел кувырком, слетел с дороги и заглох, застряв в кустарнике на обочине. Сергей, с сожалением проводив взглядом скорее всего испорченную технику, воткнул туда, где из-за лежащего на боку мотоцикла торчали ноги водителя, пару коротких очередей и кинул взгляд на первый мотоцикл. Боец со своей задачей справился успешно – пулеметчик был убит, а водитель, видимо, тяжело ранен, потому что упал грудью на руль мотоцикла и перестал им управлять, после чего мотоцикл плавно свернул с дороги и мягко уперся в кусты, урча двигателем на малых оборотах.

– Лови второй мотоцикл, – крикнул Сергей бойцу, а сам, выхватывая из кобуры свой ТТ, бросился к убитым немцам – окончательно завершить процесс перехода живой материи вражеской армии в неживую.

Тяжелораненый водитель первого мотоцикла был явно не жилец, а вот резвый немец, который кувыркался на последнем мотоцикле, на удивление оказался жив, только получил ранение бедра, и, когда Сергей, «проконтролировав» остальных, подбежал к нему, уже вяло шевелился, пытаясь перевернуться на живот и отползти от мотоцикла в сторону поля. Сергей помог резвому и удачливому немцу перевернуться на живот, связал руки за спиной его же ремнем, затем перетянул рану на бедре ремнем его мертвого товарища-пулеметчика. Потом оттащил от мотоцикла, но не в поле, а, наоборот – к дороге, пристроив на ее обочине.

– Молись, фашист проклятый, чтобы наши раньше, чем ваши, подъехать успели, – сказал немцу, не особо надеясь, что тот поймет. – Если успеют – тогда плен. Ну, а если не успеют, – значит, не судьба, – грохнем тебя при отходе.

Немец в ответ что-то забормотал по-своему, но Сергей не стал его слушать – все равно немецкого языка не знал. Однако, отходя, мысленно сказал сам себе, что это непорядок и язык противника надо бы подучить, хотя бы в объеме, необходимом для полевого допроса. Ладно – это сейчас не главное. А главное для нас сейчас – это трофеи.

Вдвоем с бойцом они подогнали к грузовику и заглушили два неповрежденных мотоцикла, затем вытащили из кустов кувыркнувшийся туда третий, и сняли с него пришедший в негодность пулемет. Сам мотоцикл, к удивлению и радости Сергея, почти не пострадал, легко завелся и бодро затарахтел на холостых оборотах. Сергей подогнал его к остальным мотоциклам, заглушил двигатель и, в наступившей тишине снова услышал шум мотора, на этот раз со стороны Сокулки. Шум создавали советский пушечный броневомобиль БА-10 и шедшая за ним «полуторка» ГАЗ АА с бойцами в кузове.

– Ну, вот и помощь подоспела.

Глава 3

Маленькая колонна подъехала и остановилась возле трофейной техники. Первым из кузова полуторки, еще на ходу, выскочил и подбежал к Сергею младший лейтенант Петров со своим неизменным ДП на ремне за плечом.

– Успели, товарищ лейтенант, в госпитале врачи сказали – раз до сих пор не умер, то жить будет.

Затем, с восхищением осматривая картину «мотоциклетного побоища», Петров отошел к своему бойцу, выяснять подробности боя.

А из кабины остановившейся полуторки, не особо торопясь, вылез военный со знаками различия военно-политического состава и с ромбом в петлицах. Отойдя на пару шагов в сторону, он тоже первым делом стал осматривать место боя, причем, несмотря на его бесстрастное выражение лица и сдерживаемые эмоции, все же можно было рассмотреть, что увиденное его впечатлило. Вслед за ними из кузова выпрыгнули и пристроились рядом еще двое, тоже в форме политруков, но со шпалами в петлицах.

«Ну вот, кажись, особый отдел по мою душу пожаловал, – подумал Сергей, который знал, что перед войной сотрудники особых отделов в своей работе использовали форму, знаки различия и звания политсостава. Ничего себе, ромб в петлице – целый бригадный комиссар (он же майор госбезопасности) пожаловал, со свитой. Неужели сам начальник особого отдела дивизии?»

Думая так, сам Сергей в это время подбежал и представился главному особисту.

– Бригадный комиссар Трофимов, начальник особого отдела 33 танковой дивизии, – подтвердил тот предположение Сергея. – Лейтенант, доложите обстановку.

– Слушаюсь, товарищ бригадный комиссар! Только что, менее пятнадцати минут назад, внезапным огнем из засады, из двух пулеметов, нами был уничтожен передовой мотоциклетный дозор в составе шести мотоциклистов на трех мотоциклах с пулеметами. Два мотоцикла и их пулеметы не повреждены, третий мотоцикл имеет легкие повреждения, но на ходу, его пулемет сильно поврежден и к стрельбе не пригоден. Пять мотоциклистов убиты, шестой ранен, но пригоден для допроса, – он вон там, возле кустов лежит, – затараторил Сергей. – Докладываю по обстановке. Учитывая появление немецкого дозора, существует вероятность, что скоро здесь появятся основные силы немцев. До этого момента хорошо бы успеть эвакуировать технику. Водитель грузовика со мной, нужны водители на мотоциклы. Кроме того, было бы неплохо собрать с убитых оружие, форму и снаряжение – это все потом может пригодиться.

Начальник особого отдела дивизии в первые секунды доклада Сергея даже слегка опешил от его напора, но тут же собрался и отдал нужные приказы. Бойцы под руководством двух его помощников посыпались из кузова и разбежались в разные стороны, выстраивая технику в колонну для следования в Сокулку. Сам Трофимов, переходя с места на место, продолжил осматривать поле боя. А Сергей, временно оставленный в покое, отошел чуть в сторону и там внимательно осматривал средний пушечный броневый автомобиль БА-10, точнее, его последнюю модификацию БА-10М, с вынесенными наружу и бронированными баками, о котором раньше так много читал. И попутно лихорадочно обдумывал идею, которая крутилась у него в голове с того самого момента, как он увидел этот броневи́к.

БА-10 был самым массовым советским броневым автомобилем довоенной постройки, серийно производился с 1938-го по август 1941 года, и за этот период было собрано более трех тысяч этих, по личному мнению Сергея, очень неплохих боевых машин. Имея боевую массу чуть более пяти тонн, этот трехосный броневи́к с двумя ведущими задними мостами развивал на шоссе скорость до 50 км в час, при этом отличался хорошей проходимостью по пересеченной местности и бездорожью, чему эффективно помогали его низко подвешенные и свободно

вращающиеся запасные колеса. Проходимость изрядно увеличивали также возимые снаружи на броне специальные гусеничные ленты, которые при необходимости надевались на задние колеса броневика.

В качестве основного вооружения БА-10 имел 45-мм пушку 20К (образца 1934 года) и спаренный с ней 7,62-миллиметровый пулемет ДТ, установленные в двухместной башне. Пушка служила для борьбы с бронетехникой противника, причем для тридцатых годов, когда эта пушка создавалась, ее бронепробиваемость была более чем достаточной. На расстоянии в полкилометра снаряд, выпущенный из этой пушки, мог пробить 43-миллиметровую броню (по нормали). В комплекте снарядов пушки имелись также 45-миллиметровые осколочные гранаты для борьбы с пехотой противника, причем эти осколочные гранаты при взрыве давали до ста осколков, которые при разлете сохраняли свою убийную силу на пять-семь метров в глубину и до пятнадцати метров по фронту.

В общем, по совокупности характеристик отличная для своего времени колесная бронированная машина, способная эффективно выполнять боевые задачи. При условии грамотного боевого применения и использования в соответствии со своим предназначением, конечно. А вот с этим как раз наблюдались большие проблемы.

БА-10 достаточно успешно применялся советскими войсками в боях на Халхин-Голе, во время зимней войны с Финляндией, а также практически на всем протяжении Великой Отечественной. При этом, по опыту и результатам боевого применения броневедомобиля еще в боевых действиях на Халхин-Голе, было отмечено, что эта бронемашина не очень эффективна против танков в открытом либо встречном бою, но превосходит по боевой эффективности танки при ведении боя в обороне с полужакрытых позиций либо из засад.

Но, как это обычно и бывает, высокие чины от полученных результатов боевого применения просто отмахнулись, и бронемашин, с их более слабым бронированием, в тактических схемах боя продолжали использоваться в качестве «танков на колесах», в результате чего большинство их было потеряно в первые месяцы войны. А Сергей сейчас собирался использовать этот пушечный броневи́к самым эффективным способом – для засады и ведения огня с полужакрытой позиции.

Увидев, что Трофимов закончил осмотр поля боя и направляется к нему, – явно с новыми вопросами, – Сергей решил перехватить инициативу.

– Товарищ бригадный комиссар! Как вы отнесетесь к тому, чтобы здесь чуть задержаться и слегка повоевать, с целью уничтожить еще немного немцев?

И, поймав вопросительно-заинтересованный взгляд особиста, продолжил:

– Вот, сами посмотрите: у нас здесь и сейчас есть хороший пушечный броневедомобиль. Загоним его в лес задним ходом на место опе́ля, хорошенько замаскируем – вот вам и защищенная противотанковая огневая точка. Далее – снимем пулеметы с нашего и с только что захваченных мотоциклов, в дополнение к тем двум, из которых сейчас немецкий дозор уничтожили, – всего пять МГ-34 получится. А это, учитывая их высокую скорострельность, даст нам очень приличную плотность огня. И еще – в кузове трофейного опе́ля есть несколько ящиков мин, в том числе противотанковые. Устроим минную ловушку для бронетехники, а потом будем расстреливать остальных из пушки и пулеметов. Должно получиться!

А сам Сергей при этом подумал, что, может быть, после совместного боя отношение к нему со стороны начальника особого отдела станет более дружественным. Ну, или менее подозрительным – это тоже неплохо будет.

Бригадный комиссар пару секунд подумал, внимательно посмотрел на Сергея и сказал:

– Командуй, лейтенант!

– Слушаюсь, товарищ бригадный комиссар! – ответил Сергей, после чего, не теряя времени, принялся раздавать команды и указания.

– Младший лейтенант Петров!

– Я!

– Возьми людей, собери все немецкие пулеметы и готовь для них огневые позиции по обеим сторонам дороги. На той стороне, где леса нет, готовьте не менее двух запасных позиций на каждый пулемет. Сам определи пулеметчиков, назначь секторы стрельбы, очередность открытия и последовательность переноса огня по фронту и в глубину. Задача – не дать пехоте противника развернуться для боя. Выполняй, времени у тебя, как мне кажется, не так много. Да, и еще. Вот, возьми бинокль и загони с ним вон на то дерево самого глазастого бойца, в качестве наблюдателя.

Сам Сергей бросился к броневику и стукнул кулаком по броне.

– Сержант Гаврилов! – козырнул высунувшийся из башенного люка боец с петлицами бронетанковых войск.

– Сержант, ты видел, где грузовик стоял? Отлично, загоняй туда задним ходом свою броню, причем так, чтобы дорогу на полкилометра простреливать мог, затем маскируй ее срубленными деревьями и ветками, – ну, ты видел, как мы грузовик укутали. Стрелять начнешь, когда головная немецкая броня на mine подорвется. Потом вся их бронетехника твоя, постарайся не промахиваться. И вот еще что, сержант. В кузове опеля свалены пустые вещмешки. Возьмите сколько нужно, плотно – я подчеркиваю, плотно – набейте землей, и выложите перед машиной полукруглый бруствер, чтобы только башня торчала. Это для твоей бронемашинки и защита дополнительная, и маскировка.

Убедившись, что сержант понял все его указания правильно и их самая сильная боевая единица теперь не только хорошо замаскирована, но и дополнительно прилично защищена, Сергей с легким сердцем и все более крепнущим ощущением удачного завершения предстоящего боя, принял личное участие в оптимизации окружающего ландшафта. То есть лично установил и замаскировал на дороге, метров за четыреста до огневых позиций засады, пять немецких противотанковых мин, в шахматном порядке, по всей ее ширине. Хороших, мощных немецких мин для немецких захватчиков.

Потом проконтролировал, как окопались бойцы, как расставлены пулеметы, внес несколько изменений и уточнений, оформил младшему лейтенанту Петрову животворящего командирского пинка за некоторую небрежность при подготовке позиций. После чего вернулся на свою огневую позицию к пулемету.

Бригадный комиссар Трофимов за то время, пока Сергей готовил засаду, по рации, установленной в броневику, связался со штабом дивизии и обрисовал обстановку. Потом отправил трофейные мотоциклы и пленного с одним из своих помощников в Сокулку, организовал маскировку опеля и полуторки, которые его бойцы перегнали по дороге метров на шестьсот назад, ближе к городу. Сам Трофимов взял СВТ Сергея и тоже залег в кустарнике, рядом с ним. И сразу спросил, откуда это лейтенант Иванов знает, как из мешков с землей различные защитные элементы на поле боя строить?

Сергей, не ожидавший, что его начнут потрошить прямо сейчас, под пронзительным взглядом особиста немного растерялся и сказал правду. Что, мол, это же вариант старых добрых габионов – фортификационного, а позже инженерного сооружения. Их еще со времен наполеоновских войн используют для быстрого создания укреплений. Тогда габион представлял собой плетеную корзину, наполненную землей. Из таких корзин воздвигали оборонительные сооружения, ими же обкладывали орудийные расчеты. Подобное укрепление габионами применялось и русскими войсками, в крымскую и русско-турецкую войну. Позднее, в Первую мировую войну, для этих же целей стали использовать специально пошитые мешки, которые набивали землей или песком и потом использовали как элементы создания защитных укреплений. У немцев, вон, даже в Наставлении от 1912 года был описан способ усиления защитных свойств стрелковых окопов от ружейно-пулеметного огня и от шрапнели противника при помощи мешков с песком, а также были указаны способы и порядок их укладки.

Трофимов выслушал, хмыкнул и вернулся к наблюдению за дорогой, а Сергей подумал, что идея с ходу завязать более дружественные отношения с начальником особого отдела дивизии, пожалуй, не так уж и хороша – больно он цепок к деталям. Но что сделано, то сделано – уже не исправишь.

Немцы не особо спешили и появились в пределах видимости около 10 часов утра, когда все уже извелись в ожидании. Впереди, примерно в ста метрах от основной колонны, шел авангард из пары мотоциклов с пулеметами. В голове колонны, как и рассчитывал Сергей, пылили друг за другом два немецких легких танка Т-2 с 20-миллиметровыми автоматическими орудиями, за ними шел открытый сверху полугусеничный бронетранспортер с рамочной антенной и двумя пулеметами МГ-34, установленными впереди и сзади. Следом шли десять грузовиков «Опель-Блиц» с закрытыми брезентовыми тентами кузовами.

Сергей по собственному немалому опыту знал, что все планы боя идеально выполняются только до начала боя, а потом неизбежны случайности и непредсказуемые действия противника, поэтому, при виде немецкой колонны, его охватило нешуточное волнение. Все-таки первый в его новой жизни серьезный бой.

Но засада удалась идеально. Головная «двойка» удачно напоролась гусеницей на мину и встала, чуть развернувшись и подставив борт, в который тут же поймала бронебойный снаряд из пушки броневика. Вторая «двойка» попыталась объехать ее и тоже поймала в борт снаряд, да так удачно, что после этого сразу загорелась и чуть позже взорвалась – вероятно, от детонации боекомплекта. Бронетранспортер объезжать танки не стал, но деваться ему было некуда – сзади дорогу заблокировали грузовики, из которых уже начала высаживаться пехота. Через минуту и два попадания он тоже задымил, после чего наводчик БА-10 перенес огонь на грузовики, грамотно начав с последнего в колонне опеля, водитель которого, наблюдая столь печальное развитие событий, уже пытался развернуться. Но не успел, а потом осколочный снаряд в кабину прекратил его маневры, после чего броневик спокойно расстрелял кабины остальных грузовиков. Пехоте развернуться для боя не дали пулеметы. Пять немецких скорострельных пулеметов, замаскированные в заблаговременно отрытых окопах, обеспечили высокую плотность огня и сначала легко расстреляли мотоциклистов в голове колонны, а потом, не отвлекаясь на быстро уничтоженную немецкую броню, спокойно выкосили солдат, пытавшихся занять оборону. Бой продолжался не более пятнадцати минут, после чего немецкая колонна как активная боевая единица перестала существовать. У нападавших серьезных потерь не было – только несколько легкораненых шальными пулями.

Сергей дал команду прекратить огонь и наблюдать, принял рапорт о потерях, затем обратился к Трофимову с докладом.

– Товарищ бригадный комиссар! Боевая задача выполнена. Колонна противника уничтожена. С нашей стороны безвозвратных потерь нет, имеется несколько легкораненых. Разрешите осмотреть место боя, выяснить потери противника, а также собрать трофейное оружие и боеприпасы.

Получив добро, Сергей озадачил прибывших с Трофимовым бойцов сбором документов, вооружения и патронов с убиенной немецкой колонны, а сам, пока Трофимов был занят тем, что по рации докладывал в штаб о бое и его результатах, отвел Петрова в сторону и негромко сказал:

– Игорь, ты возьми пару-тройку бойцов и внимательно осмотрите вон тот бронетранспортер. Скорее всего, он был в этой колонне командирской машиной. Соберите документы, карты. Пулеметы с бронетранспортера снимите, причем кормовой пулемет сразу снимайте с его зенитной турели и сложите в кузов опеля. А один из наших пулеметов снова поставьте на его зенитный станок у кабины, и тогда у нас снова будет ПВО. Потом пройдите по колонне, соберите все нужное и полезное. Особенно часы, бинокли, медикаменты, снаряжение. В общем, тащите все, что можно – ненужное потом выбросим. Обязательно соберите немецкую форму,

какая не сильно залита кровью. Попутно соберите с грузовиков все канистры, в том числе пустые, проверьте в кузовах наличие бочек с бензином, если найдете – тащите их к нашему грузовику. И учти – идти очень осторожно, раненых добить – выжившие враги нам не нужны. Еще момент – осмотрите мотоциклы передового дозора. Машинки эти у немцев очень надежные и ремонтпригодные, поэтому, даже если в ходе боя сильно пострадали и сейчас не на ходу, все равно цепляйте их к грузовикам на тросах – в мастерских танкового рембата их либо починят, либо из двух один точно соберут. Вопросы есть? Нет вопросов? Тогда выполняй задачу.

Петров козырнул и убежал, а Сергей направился к броневику, который уже выбрался на дорогу и развернулся в сторону города. Из башенного люка счастливо улыбался сержант Гаврилов, а подойдя ближе, Сергей услышал внутри бронемашины смех и радостные возгласы экипажа, обсуждавшего бой и победу в этом бою.

– Сержант Гаврилов!

– Я!

– Экипажу к машине!

– Слушаюсь! Экипажу к машине! – Гаврилов как-то странно глянул на Сергея, но команду экипажу повторил, а Сергей с досадой подумал, что, наверное, где-то ошибся в словах.

– Молодцы, отлично воевали. Благодарю за службу!

– Служим Советскому Союзу! – радостно рявкнул в ответ экипаж. Видно было, что они очень рады, но до сих пор не могут до конца поверить в свою удачу. Уничтожить одним броневиком три единицы бронетехники и восемь грузовиков, и при этом самим не понести потерь! Да за такое сразу к боевой награде могут представить! Особенно учитывая, что это произошло в первые дни так неудачно начавшейся войны, когда во всех сводках только и слышно: поражения, отступления, превосходящие силы противника...

Поблагодарив экипаж броневика, Сергей и их привлек к собирательству, по своей, так сказать, специализации.

– Значит так, славные представители бронеавтомобильных войск. Воевали вы хорошо, эффективно воевали, еще раз хвалю. А сейчас нужно быстро и качественно собрать трофеи с вражеской техники. Поэтому, сейчас берете свои инструменты, и в темпе начинаете потрошить сначала грузовики, а потом немецкую броню. С техники снимайте все, что сможете открутить и унести, но особо обратите внимание на фары, лампы, проводку, аккумуляторы, генераторы. Обязательно соберите все инструменты. Посмотрите, можно ли из баков слить бензин или снять сами баки, если полные.

По первой части вопросы есть? Нет? Тогда перехожу ко второй, то есть к сбору всяких полезностей с немецкой бронетехники. Там помимо всего перечисленного надо снять все пулеметы и посмотреть, можно ли быстро снять башенные пушки. Само собой, собрать все патроны и снаряды, приборы наблюдения, а также собрать всю мелочевку типа карт, биноклей и остальных полезных вещей. Отдельно про радиостанции. Их нужно будет аккуратно снять и с танков, и с бронетранспортера, причем в любом состоянии, и не забыть антенны, а также собрать весь ЗИП к ним.

Если все понятно и вопросов нет – тогда вперед, разукomплектовывать вражескую технику, – Сергей отпустил экипаж броневика и отправился к опелю – проверить выполнение своих указаний и заодно посмотреть, «что же сегодня бог послал Альхену?».

Трофеи с немецкой колонны оказались богатыми и приятно порадовали, в первую очередь в плане вооружения.

Моторизованная рота вермахта, мирно ехавшая захватывать чужую землю в первых восьми грузовиках, оставила после себя 47 пистолетов, 16 автоматов, 132 винтовки и 12 пулеметов МГ-34, три 50-миллиметрового миномета и три противотанковых ружья (ПТР). Приятным сюрпризом стало наличие на 6 пулеметах оптических прицелов.

Ну, и с мотоциклистов пара пулеметов досталась, да еще один с подбитого первым танка сняли (во втором, где боекомплект рванул, ничего ценного не осталось). С танковыми пушками все оказалось не так просто и легко, поэтому Сергей отменил возню с ними, собрали только 20-миллиметровые снаряды в кассетах.

Помимо этого, как оказалось, в двух последних грузовиках ехала приданная роте в качестве усиления батарея тяжелых 81-миллиметровых минометов, а все оставшееся свободным место в кузовах было забито минометными боеприпасами. Последнее обстоятельство порадовало Сергея особенно, потому что эти мины подходили и к советским 82-миллиметровым батальонным минометам БМ-37, и наоборот.

Из трех батарейных минометов два не пострадали при обстреле колонны, и были полностью готовы к бою.

Кроме вооружения, вдохновленные своей победой бойцы натащили к опелю большую кучу снаряжения, в том числе немецкие ранцы и сапоги.

Поняв, что все не увезти, Сергей дал команду грузить только все вооружение и все собранные боеприпасы.

Потом доложил Трофимову об окончании процесса сбора трофеев и уговорил того разрешить бойцам переодеть немецкие сапоги – многие бойцы сапог не имели, ходили в ботинках с обмотками. Мотивировал это морально-психологическим эффектом для остальных бойцов по приезде в город. Вот, мол, в трофеях ходим, а трофеи в бою взяли, немцев много побили, а сами целы. Значит, немца бить можно и не так уж сложно.

Бригадный комиссар с интересом посмотрел на Сергея, хмыкнул, но разрешил. Причем, к немалому его удивлению, разрешил бойцам взять не только сапоги, но и другие элементы снаряжения, в том числе каски, ранцы (они гораздо удобней вещмешков), а оставшееся снаряжение и сапоги погрузить с собой – сколько места хватит.

Потом Сергей проверил, как на зенитный станок в кузове опеля установили пулемет, и руководил догрузкой в его кузов трофеев, чтобы бойцы на радостях не завалили подходы к пулемету.

Уже перед самым отъездом, когда все, что могло влезть в кузов грузовика, было в него погружено, а все остальное ценное по команде Сергея было перенесено дальше в лес и там по возможности замаскировано, он приказал поджечь технику немецкой колонны, чтобы уже с гарантией исключить ее дальнейшее использование противником, и доложил бригадному комиссару о готовности к выдвижению.

Наконец, часа через полтора после боя, тяжело нагруженная маленькая колонна тронулась к городу. Впереди шла полуторка с бойцами, сзади – броневедомый, сам Сергей устроился в кузове идущего посередине опеля у зенитного пулемета – «ПВО, однако».

Глава 4

В Сокулку колонна въехала около полудня. Встретили ее с триумфом. Об успехе боя знали, кажется, уже все бойцы передовых оборонительных позиций. Слух о том, что неполный стрелковый взвод и один пушечный броневик уничтожили больше роты немцев, да еще и два танка, и бронетранспортер, принес на передовые позиции особист, один из помощников Трофимова, который сначала пригнал в город трофейные мотоциклы, а потом вернулся на позиции, чтобы организовать встречу и пропуск колонны. Немногочисленные красноармейцы радостно махали руками и кричали ура, их глаза горели восторгом и восхищением. Они, наспех сведенные из разных частей и соединений, прибывших в Сокулку в результате отступлений первых дней войны, – отступлений под бомбежками, без связи, без грамотного командования, надломленные этими тяжелыми событиями, – вдруг узнали, что немца можно бить. Да еще как бить – при его численном превосходстве больше чем один к трем. На фоне неудач и потерянности первых дней войны разгром наступающей немецкой колонны малыми силами и без потерь выглядел в их глазах чудом, непонятным и необъяснимым. Именно поэтому они с таким восторгом и душевным подъемом встречали победителей. И в глазах встречающих бойцов, помимо восторга и восхищения, Сергей ясно видел еще и твердую решимость стоять до конца, зубами вцепиться в этот назначенный им рубеж обороны. Да уж, рубеж обороны...

Сергей махал рукой в ответ, а сам внимательно осматривал этот «рубеж обороны». Увиденное его, мягко говоря, очень не радовало. Перекресток двух сходящихся дорог на въезде в город. Впереди, примерно с километр, чистое поле, за ним небольшой лесок. Сзади, до ближайших деревянных домов пригородного поселка, метров сто пятьдесят – двести. Повсюду следы неоднократной бомбежки. Ну и, собственно, сам оборонительный рубеж. Сергея учили, что оборонительный рубеж – это позиция на местности, удобная для ведения боевых действий в течение необходимого времени, или участок местности, подготовленный в инженерном отношении для ведения войсками оборонительных боевых действий. Ни удобства для обороны, ни инженерной подготовки местности Сергей здесь не наблюдал.

Противовоздушной обороны нет, блиндажей нет, траншей с ходами сообщения нет, дзотов (дерево-земляных огневых точек) тоже нет. Станковых пулеметов – тоже ни одного нет. Есть пехота, в количестве примерно пары стрелковых взводов, вооруженная преимущественно трехлинейками, совсем мало СВТ и несколько ручников ДП. Еще есть пара противотанковых «сорокопятков», расположенных почти рядом, толком не зарытых в землю и не замаскированных. Их сами артиллеристы с юмором окрестили «Прощай, Родина», потому что из-за слабого броневой боя действия снарядов по лобовой броне часто приходилось немецкие танки подпускать гораздо ближе километра, и даже ближе полукилометра, а потом пара выстрелов, и конец расчету.

«Ну конечно: "...И на вражьей земле мы врага разобьем – малой кровью, могучим ударом..."», – зло матерился в душе Сергей. – Зачем нам толковая оборона? Мы же с ходу опрокинем любого врага, тут же перейдем в наступление на его территорию, а там нас радостно встретит классово близкий пролетариат, который мы сразу распропагандируем, и войне конец. Ура, товарищи! Так ведь у нас перед войной, в рамках существующей военной доктрины, считали и военные теоретики, и военачальники всех рангов, и даже рядовые бойцы – бойцы, правда, из тех, кто помоложе, и кто не застал Первую мировую. А что теперь? Нормальной обороны нет, линии снабжения перерезаны, немцы выполняют свои любимые прорывы и охваты механизированными танковыми клиньями, связи нет, командование не знает реальной обстановки, отдает совершенно бессмысленные приказы и практически полностью утратило управление войсками.

«Ладно, это все лирика, – перестал накручивать себя попусту Сергей. – Что конкретно можно сделать здесь и сейчас? Пожалуй, для начала нужно осмотреться».

Сергей застучал по кабине опеля и попросил водителя посигналить передней машине, а потом остановиться. Сзади остановился броневомобиль. Сергей вылез из кузова и подбежал к Трофимову, сидящему в кабине полуторки.

– Товарищ бригадный комиссар, не подскажите, а где наш броневик дальше воевать будет?

Трофимов, занятый своими мыслями, вначале непонимающе посмотрел на этого слишком уж резвого и независимого лейтенанта, поведение которого явно не соответствовало критериям субординации при обращении к лицам старшего комсостава. Но потом вспомнил недавно закончившийся бой и его результаты, после чего решил все свои сомнения и вопросы по личности лейтенанта Иванова отложить на чуть позже, а сейчас посмотреть, что этот неугомонный еще придумал.

– Да здесь и будет воевать, я его отсюда для усиления взял, когда через пост к вам ехал. А в чем дело, лейтенант?

– Разрешите здесь на часок задержаться, немного оборону улучшить?

Трофимов снова внимательно посмотрел на Сергея и после небольшой паузы разрешающе кивнул. Потом, когда лейтенант Иванов бодрой рысью понесся к трофейному опелю, тоже вылез из кабины, отправил полуторку с бойцами комендантской роты дальше, в штаб дивизии, а сам остался наблюдать за действиями Сергея.

Сергей ясно чувствовал, что своим нестандартным поведением и действиями он вызывает у начальника особого отдела дивизии все больше вопросов, но осознанно решил ничего не менять. Пока он будет играть в прятки с особым отделом, здесь в скором времени могут бессмысленно погибнуть люди, которым он мог помочь не только выжить, но и славно повоевать. Поэтому к лешему все эти политесы, сейчас надо заниматься конкретными действиями по укреплению обороны вот этого конкретного рубежа.

Вызвав командира БА-10М сержанта Гаврилова, Сергей вместе с ним нашел старшего оборонительного рубежа. Им оказался молоденький пехотный лейтенант, необстрелянный, судя по тому, как он подчеркнуто по уставу представился и восторженными глазами уставился на Сергея.

– Слушай сюда, лейтенант, – Сергей достал из планшета лист бумаги и карандаш, несколькими штрихами набросал схему оборонительной позиции.

– Вот твоя диспозиция. Орудия переставь в стороны, на фланги – так, чтобы бронетехника противника, атакуя одно, другому борту подставляла. Да замаскируй свои пушки хорошенько, и по паре запасных позиций для них оборудуй. Для защиты от огня противника орудия чуть закопай, а землю в пустые вещмешки засыпь, и из них полукругом брустверы сложи перед орудиями. Все понял? Тогда слушай дальше. Ближайшие к тебе с тыла дома пустые?

– Пустые, товарищ лейтенант.

– Это хорошо, что пустые. – Ты тогда за ними оборудуй несколько сменных позиций для броневика, чтобы только башня была видна. И будет он у тебя блуждающей огневой точкой, с возможностью оказывать поддержку пушечным и пулеметным огнем по всему фронту обороны. Кроме того, найдите сарай, куда он сможет заехать – при бомбежке пусть там прячется. При выборе позиций, и вообще, по всем вопросам, связанным с применением брони, не стесняйся и не брезгуй советовать с командиром броневика сержантом Гавриловым – он парень с головой и в ходе сегодняшнего боя себя очень хорошо проявил. И запомни, лейтенант. Броневик сейчас твое самое сильное оружие, береги его. Понял меня? Хорошо, что понял. Дальше – как у тебя с боеприпасами?

– Плохо, – вздохнул лейтенант. По 20 снарядов на орудие, по 2 диска к ручным пулеметам. И по 50 патронов на винтовку.

– Ага, ну это дело поправимое. Мы с товарищем бригадным комиссаром, после того как недавно немного немцев поубивали, ну и, по случаю, набрали всякого. Бери бойцов и пошли, поделимся по-честному.

Из кузова опеля Сергей передал бойцам шесть МГ-34 с тройным боекомплектом в пулеметных лентах, еще несколько ящиков пулеметно-винтовочных патронов к ним, все три 50-миллиметровых миномета и весь боезапас к ним. Узнав у артиллеристов, что те смогут справиться с немецкими 81-миллиметровыми минометами, оставил им один из двух, честно поделив боеприпасы пополам. Тяжелый миномет посоветовал поставить в огородах брошенных домов и стрелять с закрытой позиции, а для корректировки огня презентовал лейтенанту бинокль. И пару оптических прицелов на немецкие пулеметы выделил, проведя короткий инструктаж и объяснив, насколько облегчает ведение боя тактика выбивания у наступающих их командиров, унтер-офицеров и пулеметчиков.

– После боя посылай людей, пусть оружие и боеприпасы собирают, авось продержишься. Главное, активно маневрируй орудиями и броней, потеряешь их – сомнут. Пулеметы тоже чаще перемещай на запасные позиции, дольше их сохранишь. И учти, лейтенант, вот этот вот немецкий МГ-34 – пулемет очень хороший, по скорострельности и прочим характеристикам наш ДП легко за пояс заткнет. Но он весьма чувствителен к грязи и требователен к уходу. Поэтому чаще чистить и смазывать не забывай, а то в самый разгар боя отказы пойдут.

Потом Сергей рассказал, как из скорострельных немецких пулеметов портить жизнь и прицел немецким летчикам при бомбежке. Выгрузил из кузова и помог установить, а потом замаскировать зенитный станок, показал, как ставить и снимать пулемет.

– И еще. Блиндажи и дзоты сделать не успеешь, да и не из чего тебе хорошие перекрытия сделать, но щели от бомбежки и артиллерийского огня обязательно оборудуй.

Сергей на отдельном листке набросал эскиз простейшей открытой «Г-образной» щели размерами три на три метра и глубиной полтора метра, с полуметровым бруствером.

– Твои бойцы часа за два-три выкопают 4 щели, вам хватит с запасом. – И сверху их замаскировать хорошо бы. Например, сетка рыболовная с навязанной травой хорошо подошла бы, или полотнище под цвет ландшафта натянуть, да травой и пылью присыпать, или, к примеру, кусок крыши или забора сверху закрепить, как будто при прошлых бомбежках отлетели. – В общем, подумай над этим.

Напоследок сам установил на танкоопасных направлениях по несколько противотанковых мин.

– Ну, удачи тебе, лейтенант, – закончил давать советы по обороне Сергей и хлопнул того по плечу. – Главное, помни – немцев бей, а своих людей береги, зря под пули не подставляй.

Окрыленный лейтенант побежал укреплять оборону, а Сергей подошел к Трофимову и доложил, что можно ехать.

Всю дорогу до штаба дивизии начальник особого отдела задумчиво молчал, периодически искоса поглядывая на Сергея.

А Сергей напряженно думал сразу о нескольких вещах. О том, что особый отдел вторгся в его новую жизнь слишком рано. Ведь он не только реалий этого времени не знал, но даже биографии настоящего лейтенанта Иванова. Кто, откуда, где служил. Лейтенант в 28 лет – почему только лейтенант? Поздно попал в училище? А почему поздно? Или разжалован, тогда опять-таки – почему? Аморалка? Или попал под «каток репрессий»? Сплошные вопросы, и ни одного ответа. Если выдумывать – достаточно любому особисту после допроса запросить данные личного дела, и все – прощай, лейтенант Иванов Сергей Николаевич, 1913 года рождения, здравствуй, немецкий шпион...

Сергей ведь поначалу вообще не планировал встречаться с «компетентными органами» до выполнения своей программы-минимум. А собирался в первые же дни войны из окруженцев и освобожденных пленных создать на захваченной немцами территории что-то типа пар-

тизанского отряда, устраивать засады и минные ловушки, громить коммуникации снабжения. По мере обучения бойцов комплектовать отдельные группы и накрывать диверсиями все большую площадь. Конечная цель – парализовать снабжение и затормозить немецкий блицкриг. Ну а потом можно было и с командованием связаться. Эх, если бы не контуженый командир заставы...

Сергей думал о том, что жизнь внесла свои коррективы, и он, судя по всему, сумел заинтересовать начальника особого отдела танковой дивизии, расквартированной в Сокулке. Причем не только сумел заинтересовать, но еще и подставился сегодня по полной со своими тактическими «находками» – сейчас Красная Армия так не воевала. Хотя об этом Сергей не жалел, – каждый убитый сейчас фашист, каждая уничтоженная единица техники – капельки на весы Победы. Эти уничтоженные солдаты уже никого не убьют, не будут грабить и насиловать мирных жителей, не дойдут до Москвы. Да и на «непобедимых солдат Великой Германии», что рвутся сейчас на нашу землю в составе танковых и моторизованных клиньев, такие потери должны подействовать как отрезвляющий «холодный душ».

Сергей думал о том, что начальник особого отдела дивизии в текущих условиях – это, ну очень, очень большая величина. И теперь, с помощью бригадного комиссара Трофимова – если удастся его убедить помочь – можно попытаться решить задачу посерьезней, способную существенно изменить ход войны. А именно – предотвратить окружение и уничтожение войск Западного фронта в Белостокском, а потом в Минском «котлах». Сергей в той, прошлой, жизни изучил множество источников о Великой Отечественной войне, от документальных до художественных и от официальных версий до частных мнений. И нигде он не нашел однозначных доказательств того, что попытка армий Белостокского выступления оставить Белосток и отступать к Минску была объективно необходима, а окружение наших войск в «котлах» и их уничтожение было неизбежным. А значит, эту ситуацию можно попытаться изменить.

Думал, наконец, и о том, какую линию поведения выбрать на допросе, чтобы не только его пережить, но и суметь сначала заинтересовать, а потом и привлечь для выполнения своего замысла Трофимова. А в том, что его будет допрашивать именно начальник особого отдела, а не его помощники, Сергей почему-то не сомневался. Сложность была в том, что рассказывать Трофимову всю правду никак нельзя – тот просто не поверит, а значит, потом – подвал, камера, наручники, пара особистов и очень больно проходящая дискуссия на тему «ты кому, гад, Родину продал?». Но и попытаться просто выкрутиться из неудобных вопросов негоже – тогда начальник особого отдела просто потеряет к нему интерес, и шанс привлечь его для помощи будет потерян.

Глава 5

Предчувствия его не обманули. По приезде в штаб танковой дивизии бригадный комиссар отправил Сергея с сопровождением ждать у своего кабинета, а сам куда-то ушел, как предположил Сергей, скорее всего отправился узнавать оперативную обстановку. Вернулся он не скоро и при этом изрядно растерявший свое приподнятое после успешного боя настроение. Войдя в кабинет, жестом указал Сергею на стул возле своего стола, а сопровождающему – на выход, сам уселся за стол и задумался о чем-то явно неприятном, прикрыв глаза и подперев голову руками. Так прошло около минуты, потом Трофимов взял себя в руки, встряхнулся и начал допрос.

Повертев в руках документы лейтенанта Иванова, Трофимов даже анкетные данные не стал уточнять, а вместо этого спросил сразу в лоб:

– А скажи-ка мне, лейтенант Иванов из 239-го стрелкового полка 27-й стрелковой дивизии. – Где это ты так воевать научился? И когда?

Сергей, хоть и принял по дороге решение с начальником особого отдела не играть, в последний момент передумал и, чтобы подогреть интерес Трофимова, решил дать тому возможность «поохотиться» и вывести допрашиваемого в своем лице на чистую воду.

– Так я, товарищ бригадный комиссар, недавно из отпуска возвращался, со мной в одном купе еще товарищи командиры ехали. Из их разговоров я понял, что они и на Халхин-Голе воевали, и на Финской. Один даже в Испании был. Ну вот, они всю дорогу опытом делились и бои разные обсуждали, а я слушал – интересно же. Вот кое-что и запомнил.

– Халхин-Гол и финская война, говоришь? – слегка усмехнулся особист. – И ты кое-что запомнил?

– Видишь ли, в чем дело, лейтенант. Я тоже воевал и на Халхин-Голе, и на финской. Кое-что из того, что ты сегодня вытворял, там, может, и было, но далеко не все. И кто тебя, простого пехотного лейтенанта, учил бронетехнику использовать? Причем не просто использовать, а во взаимодействии с пехотой. – А военно-инженерному делу и устройству инженерных сооружений тебя тоже «товарищи командиры» в купе за несколько часов обучили? Опять же, команды ты не всегда по уставу отдаешь, слова интересно используешь. Так кто ты и откуда... лейтенант Иванов?

– Может быть, немецкий шпион? – притворно печально вздохнул Сергей.

– Немецкий шпион, значит... – Трофимов снова поставил руки локтями на стол и положил подбородок на сложенные в замок кисти.

– На стратегического шпиона глубокого внедрения ты не похож, с таким-то малым воинским званием и таким своеобразным поведением. А если ты полевой шпион Абвера (немецкой военной разведки и контрразведки), внедренный в войска для добычи разведанных и диверсий, так только за сегодняшний день ты уничтожил усиленную танками моторизованную роту вермахта и при этом ни одного бойца Красной Армии не потерял. Это не считая других твоих «подвигов», о которых младший лейтенант Петров на допросе рассказал. Не стоят все эти потери немецкой армии тех разведанных, которые ты смог бы собрать. Да и какие разведанные – отступаем по всем направлениям, полная неразбериха, – Трофимов тяжело вздохнул и поиграл желваками.

– Кстати о разведанных, – сказал Сергей, решивший, что вот сейчас как раз наступил самый подходящий момент перехватывать инициативу и устанавливать контакт. – Сегодня ведь 24 июня?

– Да, – удивленно ответил Трофимов, который явно собирался задать какой-то свой вопрос, но не успел.

– Вы, товарищ бригадный комиссар, сейчас вернулись из штаба с изрядно ухудшившимся настроением. Думаю, там вы узнали, что 33-я дивизия 11-го механизированного корпуса ведет тяжелые бои под Гродно и имеет большие потери, части дивизии и всего корпуса разбросаны, единого управления нет, постоянно бомбит вражеская авиация, боезапас и горючее на исходе.

– Допустим, это так, – взгляд начальника особого отдела снова стал острым. – И что дальше?

– А дальше, товарищ бригадный комиссар, я вам сейчас в общих чертах расскажу оперативную обстановку в районе Белостокского выступа, по состоянию на сегодня и на ближайшие дни.

Сергей увидел, как при его последних словах глаза Трофимова наполнились удивлением и недоумением, и поспешил продолжить, пока тот не опомнился.

– Сегодня 33-я танковая дивизия в составе 11-го мехкорпуса ведет бои в районе Гродно. Туда же, под Гродно, были направлены и сейчас тоже ведут тяжелые бои еще 6-й механизированный и 6-й кавалерийский корпуса 10-й армии. Они действуют в составе конно-механизированной группы под командованием заместителя командующего фронтом генерал-лейтенанта Болдина. Но никакого положительного результата все эти соединения нашей армии не добьются. Господство в воздухе немецкой авиации, плохая организация удара, бесполезные атаки на грамотно подготовленную оборону с эффективными противотанковыми позициями и разгром тылов приведут к тому, что немецким войскам удастся остановить наши войска. Потом 5-й, 6-й и 8-й немецкие корпуса 9-й армии продолжат охват наших войск в Белостокском выступе. Из-за неудачи контрудара и фактического начала окружения завтра, 25 июня, войска 6-го и 11-го мехкорпусов, а также 6-го кавкорпуса начнут отступление.

Трофимов слушал Сергея с посеревшим лицом. Когда тот остановился, снова спросил, почти не разжимая губ.

– Дальше?

– Около полудня 25 июня расположенные в Белостокском выступе 3-я и 10-я армии получают приказ штаба фронта на отступление. 3-я армия будет отступать на Новогрудок, 10-я – на Слоним. 27 июня советские войска оставят Белосток.

Потом Сергей рассказал Трофимову об окружении и разгроме трех армий в нескольких «котлах», полном разгроме 10-й армии и уничтожении 11-го мехкорпуса 3-й армии, в том числе и входившей в него 33-й танковой дивизии. Рассказал о том, что, советские войска, имея в условиях обороны превосходство в артиллерии (16,1 тысячи против 15,1 тысячи), танках (3,8 тысячи против 2,1 тысячи) и самолетах (2,1 тысячи против 1,7 тысячи), почти нигде по фронту так и не смогли оказать наступающим немецким войскам эффективного сопротивления. Потери немцев в наступлении составили всего 20 тысяч ранеными и 6,5 тысяч убитыми, а советские войска потеряли почти 77 тысяч ранеными и более 341 тысяча убитыми и пленными, причем пленными гораздо больше, чем убитыми.

– И что потом?

Видно было, что Трофимов сдерживается из последних сил, его взгляд не обещал Сергею ничего хорошего.

– Потом? Потом четыре тяжелейших года войны, снова окружения и «котлы», где будут гибнуть наши войска, немцы под Москвой, битва за Сталинград, сражение на Курской дуге... – Потом наша Победа и наши войска в Берлине весной 45-го года. Потом подведение итогов этой войны – не менее 15 миллионов военнослужащих убитыми и умершими от ранений, еще более полумиллиона умерших в результате небоевых потерь и еще 4,5 миллиона попавшими в плен и пропавшими без вести. Общие демографические потери (включающие погибшее мирное население на оккупированной территории и повышенную смертность на остальной территории СССР от невзгод войны) – более 26,6 миллионов человек. И в наследство от этой войны

– огромная послевоенная разруха, которую потом страна преодолевала много лет, – тяжело вздохнув, ответил Сергей.

– Победим, значит. Но какой ценой... – тихо сказал Трофимов, устремив застывший взгляд куда-то мимо Сергея.

Только через несколько минут бригадный комиссар пришел в себя и опять воткнул острый взгляд в Сергея.

– Откуда информация? Ты что, ко всем своим военным способностям, еще и будущее предсказываешь? Как этот... Вольф Мессинг?

– Товарищ бригадный комиссар, вам что нужно – шашечки или ехать?

– Что? Какие шашечки? Куда ехать? – не понял Трофимов.

Тут Сергей, собиравшийся разрядить обстановку анекдотом про придирчивого пассажира, вспомнил, что шашечки на такси в СССР появились только после 1948 года. А значит, анекдота про шашечки Трофимов явно не поймет.

– Я говорю, какая вам разница, откуда у меня информация, если это достоверная информация? Я просто знаю, что это будет. И знаю, что, если ничего не изменится, то окружения в «котлах» при отступлении нашим войскам не избежать. Но я также знаю, что можно сделать, чтобы немцы кровью умылись со своим блицкригом. Да вы утром сами видели, как мы с вами этих «непобедимых солдат Великой Германии» на ноль помножили.

– Что за блицкриг, – уцепился за новое слово особист.

– Блицкриг – дословно, «молниеносная война» – прорывы и охваты мощными механизированными клиньями на флангах, разрыв коммуникаций, окружение и добивание растерянных, дезорганизованных частей. Сейчас на Белостокском выступе как раз это и происходит.

– И что мне делать теперь с тобой? – задумчиво спросил Трофимов, снова глядя куда-то мимо Сергея. – На самый верх докладывать надо...

– Нет, такой футбол нам не нужен! – внутренне холодея от того, что ситуация начинает разворачиваться по самому негативному сценарию, подумал Сергей и с удвоенной силой ринулся убеждать Трофимова. – Товарищ бригадный комиссар! Докладывать наверх, как минимум, рано. Да и какой смысл в этом сейчас? Ну, знаю я, как немцы почти до Москвы дойдут. Знаю про «котлы», окружения и ошибки командования. Ну, доведу информацию, допустим, до начальника Генерального штаба. Но ведь от этого ничего не изменится. С нынешним уровнем подготовки наших войск и старшего командного состава Красной Армии и ошибки командования, и отступления войск неизбежны. Наверху сейчас ничего изменить не смогут. Или не захотят. Или не успеют...

В качестве примера Сергей рассказал Трофимову вычитанную в мемуарах Георгия Константиновича Жукова историю о Белостокском выступе.

– У нас ведь сейчас, а точнее, с февраля 1941 года, начальником Генерального штаба Красной Армии является Георгий Константинович Жуков? Так вот – еще до войны Жуков знал, что текущее расположение 3-й, 4-й и 10-й армий Западного округа в Белостокском выступе создает угрозу глубокого охвата и окружения их со стороны Гродно и Бреста путем удара под фланги. Он знал, что 10-я армия при этом занимает самое невыгодное расположение. Он знал, что дислокация войск округа на Гродненско-Сувалковском и Брестском направлениях была недостаточно глубокой и мощной, чтобы не допустить здесь прорыва и охвата Белостокской группировки. Знал – и ничего не сделал для исправления ситуации. А что он может сделать сейчас, когда три армии дезорганизованы и фактически неуправляемы?

Сергей не стал рассказывать Трофимову о том, что на должность начальника Генерального штаба Жукова выдвинул лично Сталин, причем как раз по итогам проведенных в январе 1941 года двух двухсторонних оперативно-стратегических игр на картах, на тему контратакующих и наступательных действий войск Западного особого военного округа в ответ на агрессию внешнего противника. В этих играх, в качестве ответа на агрессию, рассматривались действия

крупной ударной группировки советских войск с государственной границы СССР в направлении (соответственно) Польша – Восточная Пруссия и Венгрия – Румыния. (Вот оно – малой кровью, могучим ударом, и на чужой территории!).

– Какая-то стратегия у наших появится только через год отступлений и потерь, не ранее лета 1942-го года, – печально закончил свой рассказ Сергей, имея в виду Сталинградскую битву. Я, собственно, поэтому и не хотел раскрываться. Думал собрать из окруженцев мотоманевренную группу, устраивать засады и диверсии у немцев в тылу. Но тут контуженого командира погранзаставы надо было в госпиталь везти. А потом ребят на въезде в город увидел, их оборону – вернее отсутствие обороны. Жалко стало, ведь погибли бы не за грош.

– А если тебя, с твоей информацией, к командующему Западного фронта, генералу армии Павлову доставить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.